

Э.А.ХАЙРЕДИНОВА

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ ВАРВАРОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI вв.

На рубеже IV-V вв., с захватом гуннами крымских степей и западной части европейского Боспора, на полуострове активизировались этнические процессы. В Юго-Западном Крыму – в Лучистом, Скалистом, у подножия Баклы и Мангупа возникают новые аланские могильники. Около середины V в. аланское племя обосновалось и в низовьях реки Черная, на склоне высоты Сахарная Головка. Аланы осели в регионе, занятом с середины III в. родственными племенами и германцами, продолжавшими использовать некрополь Черная Речка. Приблизительно в середине V в. часть германцев, живших с середины III в. на Южном Берегу, мигрируют за пределы полуострова [1, с. 30, 77, 82]. В 560 г. Прокопий Кесарийский, описывая страну Дори, локализуемую современными исследователями на территории всего Юго-Западного Крыма, от Алушты до низовьев реки Черная [1, с. 111], называет ее жителей готами [2, с. 224, III. VII.13].

Спровоцированные гуннским нашествием этнические процессы отразились в материальной культуре. Данная статья посвящена одному из наиболее этнически выразительных элементов материальной культуры – женскому костюму [3, с. 46]. Варвары Юго-Западного Крыма хоронили умерших в прижизненной (не специальной погребальной) одежде, о чем свидетельствуют следы поношенности и ремонта на многих металлических деталях костюма и украшениях. Фрагментарность текстильных остатков не дает возможности полностью восстановить фасон одежды. Поэтому костюм можно изучать, в основном, по составляющим единый гарнитур функциональным деталям одежды (пряжки и фибулы) и служившим украшениями бусам, подвескам, серьгам, браслетам и перстням. По мнению этнологов и историков моды, представление о костюме дополняют предметы туалета (зеркала и пиксиды) и орудия труда (ножи и пряслица), которые выполняют не только прикладную функцию, но и выступают по отношению к одежде в качестве определенных знаков [3, с. 26-27; 4, р. 15].

Металлические детали и украшения женского костюма V – первой половины VI в. в Юго-Западном Крыму зафиксированы на некрополях Черная Речка (склепы 11 и 64), Скалистое (склепы 5, 101, 190, 418, 421 и 485) и Лучистое (склепы 52, 55, 58, 66, 75, 100, 126, 156 и 174, могилы 82 и 168). В Инкермане выявлено женское захоронение первой половины V в. (могила 29). Женские аксессуары V в. обнаружены в разграбленных

склепах в Красном Маке (№ 2 и 7) и у подножья Мангу́па, в Алмалык-Дере (№ 65), а также в качестве случайных находок около Ялты и Гурзуфа. В могильнике около высоты “Сахарная Головка” зачищен женские погребения второй половины V – первой половины VI в. (могилы 12, 41). Только в Скалистом и Лучистом гарнитуры представлены сериями и позволяют проследить изменения в костюме на протяжении V – первой половины VI вв. В большинстве случаев пол погребенных устанавливался по сопутствующему инвентарю*. Малочисленность детских захоронений этого периода и отсутствие антропологических данных о возрасте погребенных затрудняют определение особенностей костюма разных возрастных групп.

Для характеристики костюма в статье отдельно рассматриваются функциональные детали костюма (пряжки и фибулы) и украшения, а также анализируются образованные ими гарнитуры. Наряду с этим предпринимается попытка реконструкции фасонов носившейся в этот период одежды. В данной работе при описании пряжек использованы типология и хронология А.И.Айбабина [1; 6]. Типы большинства фибул даны по А.К.Амброзу [7], для их датировки использована уточненная А.И.Айбабиным хронология. Из-за отсутствия классификации украшений V – первой половины VI в. мы посчитали необходимым систематизировать их и, по возможности, определить ареал и время бытования.

Пряжки. В женских погребениях первой половины V в. из Юго-Западного Крыма обнаружены пряжки с круглой и овальной рамкой (рис. 1, 1-4). Только в одном женском захоронении, в склепе 485 из Скалистого лежала маленькая серебряная пряжка (длина 2,2 см) 3 варианта с круглой рамкой и длинным, загнутым за передний край рамки язычком (рис. 1, 1) [8, с. 123, рис. 90, 2], обычная для мужского костюма [9, с. 203]. В первой половине V в. пряжки этого типа были широко распространены от Волги до Испании и Туниса [6, с. 28; 10, с. 17-18].

Пряжки с овальной, вытянутой в ширину рамкой выявлены в Лучистом, в погребениях женщины и ребенка из склепа 75. Массивная железная пряжка с утолщенной передней стороной из женского захоронения 3 сделана из круглого в сечении стержня (длина 3,0 см) (рис. 1, 2) [11, с. 292, рис. 10, 5]. По форме она сходна с рамкой пряжки из Керчи, из склепа 154, погребения 2 [12, с. 75, табл. 47, 223] начала второй половины V в. [1, с. 267, 312, табл. XXVII, 136]. Керченская пряжка отнесена к пряжкам со штемпельным орнаментом типа Стржегоцице-Тишаладаны-Керчь, бытовавшим во второй половине IV – первой половине V вв. в Польше, Среднем Подунавье и Северном Причерноморье [6, с. 29; 13, р. 3-15; 14, S. 173, Abb. 66]. Во всем ареале названные пряжки типичны для женского костюма [15, р. 75, Gruppe H, Турен 43, 44]. Судя по размерам рамки, пряжка из Лучистого должна была застегивать ремень шириной около 3,5 см.

Для широкого ремня предназначалась и случайно найденная близ Ялты массивная серебряная пряжка первой половины V в. с зоо- и антропоморфными изображениями (длина 10,7 см) (рис. 1, 3) [1, с. 64, рис. 22, 3]. Пряжка состоит из гладкой, овальной рамки, литого полого язычка с рельефными изображениями и круглого двупластинчатого щитка с гравированным черненым орнаментом [16, с. 271-272, рис. 1; 2]. На нижней

* Антропологическому исследованию подверглась лишь небольшая часть костных остатков из могильника у с. Лучистое [5].

пластине щитка аналогичной по форме и близкой по декору пряжки из Сабадбаттьяна (Венгрия) имелась древнегерманская руническая надпись [17, S. 131, Taf. IX]. Подобные пряжки изготовляли в первой половине V в. в западных римских провинциях по заказам германских вождей [1, с. 81; 6, с. 29; 18, с. 240]. Сделанные в этом же стиле большие пряжки первой половины V в. из Эрана, Качина и Замосци связаны с женским парадным убором [15, p. 70, 75, Taf. 21, Тур 45; 18, с. 236; 19, p. 328, 333, fig. 3].

Серебряная пряжка (длина 3,8 см) из детского захоронения 2 склепа 75 середины V в. состоит из овальной, круглой в сечении рамки, сегментовидного в сечении язычка и круглого щитка, скрепленного заклепкой (рис. 1,4) [11, с. 292, рис. 10, 6]. По краю верхней пластины щитка нанесены небольшие насечки. Близкие по форме пряжки обнаружены в Смолине, в могиле XXXII периода Д2/Д3 (430/440 – 470/480 гг.) [20, S. 351, Abb. 26, 3] и в Блучине вместе с инвентарем третьей четверти V в. [20, S. 350-351, Abb. 29, 10].

Пряжки второй половины V в. в Юго-Западном Крыму встречены на могильниках Лучистое, Скалистое, Сахарная Головка и Черная Речка (рис. 1,5-8). Бронзовая круглая пряжка из Лучистого, из склепа 66 сделана из круглого в сечении стержня (длина 5,5 см) (рис. 1,5). Ее язычок отлит со схематическим изображением головы зверя на завершении. Близкие по форме рамки и декору язычка пряжки меньших размеров хранятся в Венгерском национальном музее (г. Будапешт). Место находки одной из них неизвестно, вторая обнаружена в окрестностях г. Вац и отнесена Д. Чалланем к гепидским древностям 454-472 гг. [21, S. 233, 246, 334, Taf. CCI, 1; CCII, 16]. Подобная пряжка с прямоугольным щитком из погребения остроготки на северном берегу озера Балатон датирована периодом Д3 (450-460/480-490 гг.) [22, p. 169, fig. III,27b]. Язычки пряжек из Подунавья украшены валиками на тыльной стороне. У лучистинской пряжки валики имитированы гравировкой. Видимо, пряжка из Лучистого сделана местными мастерами по дунайским образцам.

Железная овальная, вытянутая в ширину пряжка из плоского, прямоугольного в сечении стержня с узкой прорезью для ремня происходит из Сахарной Головки, из могилы 12 (длина 3,2 см) (рис. 1,6) [23, с. 182, табл. IV, 1]. Трапециевидный в сечении язычок заострен. Близкая по форме пряжка известна среди гепидских древностей [21, Taf. CXLIX, 1]. Железная В-образная пряжка зачищена в женском погребении в склепе 11 из Черной Речки (длина 3,2 см) (рис. 1,7). Наиболее ранние пряжки подобной формы появились в Подунавье во второй половине IV в. [6, с. 37]. В первой половине V в. в Юго-Западном Крыму железные В-образные пряжки были принадлежностью мужского костюма [11, с. 292, рис. 10, 9; 24, рис. 16, 4]. В Подунавье во второй половине V в. пряжки этого типа известны в остготских и гепидских женских погребениях с 14-гранными серьгами [21, Taf. CXXIV, 16; 25, S. 379, Abb. VIII, c].

В Скалистом, в склепе 190 второй половины V в. выявлена малая серебряная пряжка византийского круга с проволочными рамкой и язычком 1 варианта (длина 2,2 см) (рис. 1,8) [6, с. 36, рис. 2, 65]. Подобная пряжка зачищена и в погребении младенца 13 из Сахарной Головки [23, с. 174, табл. IV, 6].

В первой половине VI в. в Юго-Западном Крыму в состав женского костюма входили малые пряжки с овальным или прямоугольным щитком и большие пряжки с прямоугольным щитком (рис. 1,9-14).

Железная пряжка из Сахарной Головки, могилы 41 состоит из массивной В-образной рамки, сегментовидного в сечении язычка с прямоугольным выступом на

тыльной стороне и овального щитка, скрепленного по бокам четырьмя гвоздиками с небольшими, полусферическими шляпками (длина 5,5 см) (рис. 1, 12) [23, с. 181, табл. IV, 2]. На гладком поле верхней пластины щитка вырезано семь фигурных углублений – гнезд, а на тыльной стороне язычка – одно прямоугольное (рис. 2). По центру щитка расположено круглое гнездо, по бокам – композиция из двух каплевидных и треугольного между ними. Во всех гнездах укреплены плоские вставки из красного камня (?) с подложенными под них кусочками листового золота. Прямой аналогии пряжке из Сахарной Головки не известно. По форме овального щитка и язычка с прямоугольным выступом на тыльной стороне она близка так называемым пряжкам с “почковидным” щитком, бытовавшим на Северо-Востоке Галлии, в Порейне и Подунавье в первой половине VI в. [26, S. 284, 286, 289, Abb. 1; 4]. Они происходят из могил франков, аламаннов, лонгобардов и гепидов и, как правило, связаны с мужским костюмом [26, S. 286; 27, p. 279, fig. 12; 28, S. 211, Abb. 216]. Однако, у пряжек этого типа рамка – овальная. С массивной В-образной рамкой сделана пряжка второй четверти VI в. с прямоугольным щитком, инкрустированным гранатами и красным стеклом из меровингского некрополя Эрпе (Курбийак, Шаранта) из Юго-Западной Франции [29, p. 91, 93, cat. 9].

Использованные на пряжке из Сахарной Головки технология инкрустации (помещение плоских вставок в гнездах, вырезанных на гладкой поверхности металла) и ее форма (сочетание круглого и каплевидных гнезд) характерны для пряжек с прямоугольным щитком типа Коморн-Гюльтлинген-Бинген рубежа V-VI вв., ареал которых практически совпадает с областью распространения пряжек с “почковидным” щитком [30, S. 85-87, Abb. 50; 51]. По предположению Д. Кваста, пряжки типа Коморн-Гюльтлинген-Бинген являются варварскими подражаниями византийским изделиям [30, S. 86-87]. Однотипная пряжка происходит из Малой Азии [30, S. 85, 87, Abb. 50, i; 51, 13]. В инкрустации названных пряжек одновременно использованы гранат и цветное стекло. Техника инкрустации плоскими вставками в отдельных углублениях известна и на пряжках из византийского Средиземноморья [30, S. 87; 31, p. 188, fig. 15, 1,3,9,13]. В этом же регионе в первой половине VI в. на изделиях стиля клуазонне появляется использованный в декоре пряжки из Сахарной Головки прием – подкладывание под плоские каменные вставки листового золота [32, p. 66, 68].

Учитывая выше сказанное, происхождение пряжки из Сахарной Головки следует связывать с регионами Юго-Западной и Северной Франции и Юго-Западной Германии, где в конце V – первой половине VI в. у франков и аламаннов бытовали пряжки с “почковидным” щитком и была известна инкрустация круглыми и каплевидными плоскими вставками в гнездах, вырезанных на гладкой поверхности металла. Отметим, что это пока единственная находка такого рода в Юго-Западном Крыму.

Трехчастные литые пряжки из Юго-Западного Крыма состоят из овального кольца, трехгранного хоботковидного язычка и прямоугольного или овального щитка (рис. 1, 9). Многие пряжки этого типа депаспортизированы, либо происходят из разграбленных погребений, поэтому трудно говорить об их роли в женском костюме. С женскими погребениями можно связать лишь три пряжки названного типа. Две из них – из Херсонеса, склепа 14/1914 и Сахарной Головки, могилы 13 – с прямоугольным щитком с нанесенными при отливке параллельными линиями, отнесены к варианту 1. Третья пряжка варианта 2, обнаруженная в Херсонесе в склепе 62/1909, украшена

гравировками и пуансонными точками. Пряжки варианта 1 производились в первой половине VI в. в Херсонесе по византийским образцам, широко распространенным в Западном и Восточном Причерноморье [1, с. 269; 33, с. 31]. В Скалистом, в подбойной могиле 445 и склепе 495 описанные пряжки зачищены на костях мужчин и мальчиков-подростков [8, с. 111, 126, рис. 79, 22; 90, 30-33; 92, 1-5]. На Северном Кавказе, в могильнике Дюрсо трехчастные пряжки найдены по одному разу в женском (410) и мужском (291) погребениях [34, с. 83, 89, рис. 5, 39; 8, 1]. Вероятно, названные пряжки одновременно использовались как в женском, так и в мужском костюме.

В начале VI в. в Юго-Западном Крыму входят в моду большие пряжки с овальной рамкой и прямоугольным щитком. По декору они представлены тремя вариантами. У пряжки из Херсонеса, из склепа 14/1914 варианта 1-1 щиток украшен кербшнитным геометрическим декором и пуансоном (длина 8,6 см) (рис. 1, 10) [1, с. 309, табл. XXV, 12]. Пряжка отлита из серебра и позолочена. На тыльной части кольца выполнены две смотрящие друг на друга звериные головы. Язычок отлит со схематизированным изображением головы животного. В Херсонесе освоили производство пряжек этого типа, копируя сложный кербшнитный декор в технике литья или штамповки. В местных мастерских была сделана пряжка, найденная в 1986 г. на Западном некрополе, в склепе 74 [35, с. 129, рис. 3, 9]. Однотипная серебряная пряжка из Скалистого орнаментирована проще (сохранившаяся длина 6,7 см) (рис. 1, 13). Декор на верхней пластине ее щитка вытиснен [1, с. 310, табл. XXVI, 2].

Близкая скалистинской по форме кольца и язычка пряжка из Черной Речки (склеп 64) с отчеканенным на прямоугольном щитке растительным орнаментом отнесена к варианту 2 (длина 6,5 см) (рис. 1, 14) [1, с. 64, рис. 22, 4; 6, с. 30, 203, рис. 2, 71; 24, 4]. Из Херсонеса происходит однотипная пряжка с гравированными кругом и розеткой [1, с. 131, рис. 53, 3].

Серебряная пряжка, найденная якобы в Гурзуфе, с пластинчатым кольцом, декорированным треугольниками с чернью и резными S-видными завитками, отнесена к варианту 3-1 (длина 10,8 см) (рис. 1, 11) [1, с. 64, рис. 22, 1; 6, с. 30, 204, рис. 25, 1]. На ее щитке в технике гранчато-выемчатой резьбы исполнены крест и S-видные завитки.

Пряжки из Херсонеса и Гурзуфа по форме и декору почти идентичны соответствующим изделиям из Остроготской Италии. По мнению А.И.Айбабина, они были привезены на полуостров из Италии [1, с. 269; 6, с. 31]. Пряжки из Скалистого и Черной Речки сделаны местными мастерами по привозным из Италии и Подунавья образцам.

Фibuлы. В женских погребениях первой половины V в. из Юго-Западного Крыма обнаружены фибулы следующих типов: фибулы-броши, двучленные прогнутые подвязные, прогнутые со сплошным приемником и двупластинчатые (рис. 3, 1-20).

Круглые фибулы-броши происходят из могильников Алмалык-Дере (склеп 65) (рис. 3, 2, 3) [36, Abb. 9, 3, 4] и Лучистое (склеп 126) (рис. 3, 1). Их щиток выполнен из бронзовой пластины и обтянут с лицевой стороны тонким листом золота с вытисненным орнаментом, имитирующим зернь. На обороте щитка укреплен игольный аппарат из бронзовой проволоки. Фибулы украшены круглыми выпуклыми или треугольными плоскими вставками из красного камня в гнездах. Идентичная брошь найдена в Керчи, в склепе 154, в погребении 9 [12, табл. 50, кат. 246] первой половины V в. [1, с. 266, 267]. И.П.Засецкая отнесла ее к боспорской материальной культуре [12, с. 78]. В

керченском склепе хоронили представителей правящего греко-аланского рода [1, с. 80; 37, с. 26]. Видимо, боспорские ювелиры делали броши по заказу местной знати. С Боспора их завозили в Юго-Западный Крым. За пределами Крыма такие фибулы-броши не известны. Аналогичные по форме и технике изготовления бляхи, но с маленькими петельками для пришивания на обороте, распространены в аланских могильниках на Северном Кавказе [38, с. 34, 86, 131, 133, рис. 32, 1; 57, 4,5,10,12; 75, 17-19, 22]. М.П.Абрамова датирует их V в. и по технике изготовления относит к продукции местного, северокавказского производства [38, с. 135]. Такие же бляхи известны в раннесредневековых памятниках кочевников в Ставропольском крае (погребение близ г. Зеленокумска, случайная находка у с. Татарки) [39, с. 237, рис. 1, 5; 40, табл. 17, 3] и в погребении хазарки второй половины VII в. из Новопокровки (Восточный Крым) [1, с. 173, 175, 176, рис. 76, 3].

Двучленные прогнутые подвязные фибулы из погребений Юго-Западного Крыма представлены вариантами 16-2/II-2-3 (рис. 3,6,7), 16-2/II-3 (рис. 3,4,5) и 16-2/III-1 с декоративной кнопкой на головке (рис. 3,8). Прогнутые двучленные фибулы I серии считаются этнографической особенностью черняховской культуры [7, с. 62]. В Юго-Западном Крыму они бытуют во второй половине III – первой половине V вв. [6, рис. 2, 1,14,34]. В IV в. фибулы этого типа практически полностью вытесняют местные, северопричерноморские [41, с. 44]. Во второй половине III – IV вв. прогнутые подвязные фибулы зафиксированы как в женских (Черная Речка, могила 35) [42, с. 97-99], так и в мужских погребениях (Инкерман, могила 43; Дружное, склеп 1, костяки 8,9) [43, с. 30; 44, с. 91], а в первой половине V в. – только в женских.

У прогнутых двучленных фибул варианта 16-2/II-3 из комплексов первой половины V в. ось пружины вставлена в отверстие, высверленное в узкой головке, сделанной на конце пластинчатого корпуса (рис. 3,4,5). Серебряная фибула из Лучистого, из могилы 82 ремонтировалась: ее приемник прикреплен к ножке заклепкой (рис. 3,5).

Железная фибула варианта 16-2/II-2-3 с корпусом из тонкой пластины обнаружена в Лучистом, в склепе 55 (рис. 3,6). Фибулы этого типа бытовали только в Крыму [7, с. 66] и связаны с комплексами первой половины V в. [1, с. 261, 312, табл. XXVII, 90]. К этому же варианту следует отнести и прогнутую подвязную фибулу из склепа 126, сделанную из тонкой пластины (рис. 3,7). Стержень пружины фибулы вставлен в пластинчатое свернутое кольцо, что, по мнению А.К.Амброза, является характерным признаком крымского и северокавказского производства [45, с. 39]. Аналогичные фибулы обнаружены в Заморском [46, с. 40, рис. 12, 15,18; 47, с. 105, рис. 1, 28].

Бронзовая фибула варианта 16-2/III-1 с декоративной кнопкой на головке из Скалистого, из склепа 421 украшена на широкой пластинчатой спинке резными кружочками и точками (рис. 3,8). Однотипные фибулы известны на памятниках вельбарской культуры III-IV вв. на территории Польши, к востоку от Средней Вислы [48, s. 129, rys. 65, d] и в Побужье [49, с. 46-47, 101, табл. VIII, 8а]. Они найдены в Танаисе [50, с. 325] и в Греции. По мнению А.К.Амброза, фибулы с кнопками попали в Причерноморье в IV в. из юго-восточной Прибалтики [51, с. 261, табл. VIII, 1].

Бронзовые двучленные прогнутые фибулы со сплошным пластинчатым приемником выявлены в Лучистом в склепах 58 и 156 (рис. 3,9,10) [11, рис. 8, 18]. Фибулы отлиты с узкой, короткой ножкой, равной по ширине корпусу. Приемник одной

длины с ножкой, либо немного короче ее. Пластинчатый корпус фибулы из склепа 58 завершается тонкой пластинкой с отверстием для крепления пружины, а фибулы из склепа 156 – закручен в виде кольца. Аналогичная фибула с украшенными резными линиями спинкой и ножкой происходит из склепа 6б могильника Баклинский овраг, из погребения первой половины V в. с характерным для мужского костюма набором вещей [1, с. 62, рис. 20, 1]. Видимо, такие застёжки носили и мужчины, и женщины. Подобные фибулы известны в погребениях горизонта Д2 из Подунавья [52, S. 248, Abb. 16, 3,4]. По мнению А.И.Айбабина, названные фибулы характерны для дунайских германцев [1, с. 81]. Однотипные застёжки найдены в погребении 241 последней четверти IV в. из некрополя Танаиса [53, с. 142, табл. III, 2] и на городище Зенонов Херсонес на мысе Зюк вместе с двупластинчатой фибулой с кербшнитной резьбой второй половины V в. [54, с. 152, 167, рис. 17, 16,17].

Литые двупластинчатые фибулы из комплексов первой половины V в. представлены вариантами 21/IAA (рис. 3, 11), 21/IAБ (рис. 3, 12), 21/IBA (рис. 3, 14-17), 21/ИББ (рис. 3, 13) и 21/IIAA (рис. 3, 18-20) [6, с. 18-19]. Фибулы с укороченной массивной ножкой вариантов 21/IAБ из Скалистого (рис. 3, 12) и 21/ИББ из Гурзуфа (рис. 3, 13) привезены, вероятно, с территории черняховской культуры, либо скопированы местными мастерами с привозных экземпляров. Остальные двупластинчатые фибулы из Юго-Западного Крыма сделаны под влиянием образцов V в. из Подунавья [1, с. 81; 41, с. 34]. Крымские подражания в соответствии с местными вкусами имеют небольшие размеры и поэтому часто их трудно отличить от изделий IV в. [41, с. 44]. Многие фибулы декорированы в том же стиле, что и их прототипы из Подунавья: прикрепленными у основания спинки гладкими или витыми проволочками (рис. 3, 11, 16, 17), либо резными кружочками с точкой в центре (рис. 3, 16, 20). Ножка и головка бронзовой фибулы из Лучистого, из склепа 100 украшена у основания спинки литыми треугольными выступами (рис. 3, 19), имитирующими декоративные накладки, появившиеся в середине V в. на двупластинчатых фибулах в Подунавье [55, с. 107, 144]. В первой половине V в. литые двупластинчатые фибулы преобладали среди плечевых застёжек в костюме жителей Юго-Западного Крыма. В V в. они были распространены и среди населения Херсонеса, о чем свидетельствуют многочисленные находки с территории его городища и из некрополя [6, с. 188, 189, рис. 9, 7,8; 10, 2,4,8; 56, с. 271, рис. 137, 1-4].

Во второй половине V в. в Юго-Западном Крыму входят в моду маленькие бронзовые литые двупластинчатые фибулы с кербшнитной резьбой, с треугольной или полукруглой головкой (рис. 3, 21-23) [6, с. 19, 177, 193, рис. 2, 66; 14, 1-6; 41, с. 46]. Они отлиты из бронзы, а рельефный орнамент подправлен резцом. В Крыму фибулы этого типа известны также в Херсонесе и на территории Боспорского царства [6, с. 19; 10, с. 73-74; 54, с. 152, 167, рис. 17, 17; 57, с. 39]. Фибула с треугольной головкой из Скалистого (рис. 3, 21) идентична маленьким бронзовым литым застёжкам с кербшнитной резьбой типа Левице-Прша, широко распространенным во второй половине V в. на Среднем и Нижнем Дунае в среде восточногерманских племен [10, с. 73; 57, с. 37; 58, S. 94-96, Abb. 7]. Происходящие из Херсонеса и Сахарной Головки фибулы с полукруглой головкой (рис. 3, 22, 23) И.О.Гавритухин отнес к причерноморской серии, сложившейся в Крыму [57, с. 33-34]. Крымские ювелиры освоили их производство используя в качестве образцов привезенные из Подунавья экземпляры [10, с. 73; 41, с. 46]. Фибулы из

Скалистого и Сахарной Головки, вероятно, долгое время находились в употреблении. Первую положили в могилу с отломанной ножкой (рис. 3,21), на игольном аппарате второй видны следы ремонта (рис. 3,23).

В могиле 12 второй половины V в. из Сахарной Головки вместе с фибулой с кербшнитной резьбой лежала железная прогнутая застёжка с прямоугольным в сечении корпусом, короткой ножкой с завитком на завершении и со сплошным приемником (рис. 3,24) [23, с. 180, табл. VI, 3]. Фибулы с завитком на ножке распространены в Ятрусе (Кривина) [59, Taf. 56, 747,749,755; 60, Taf. 1, 6,7]. Они отнесены к группе так называемых “балканских” фибул, бытовавших в IV-VI вв. в Нижнем и Среднем Подунавье и на Балканах [60, S. 96-97, Taf. 2, 6,7; 61, S. 140-141, Abb. 2, 2,3; 62, S. 383, Taf. 1, 5012]. Парные фибулы названного типа характерны для восточногерманского женского костюма конца V в. Они выявлены в остготских и гепидских погребениях этого времени из Сербии [60, S. 97; 61, S. 141].

На некрополях Сахарная Головка и Красный Мак обнаружены бронзовые броши в форме цикад (рис. 3,28) [23, с. 180, табл. VI, 6; 63, рис. 4, 12]. Однотипные броши происходят из Херсонеса (рис. 3,27) и Боспора [6, с. 26, рис. 10, 7,11-13]. В Крыму они распространяются во второй половине V в. и бытуют в VI в. [1, с. 313, табл. XXVII, 152-154; 6, рис. 2, 64]. Производство застёжек этого типа возникло в римских провинциях Подунавья [64, S. 96]. З. Вински связывал появление изображений цикады на изделиях конца IV в. из Паннонии с возрастанием роли готов и аланов в этом регионе [65, S. 159]. Во второй трети V в. мода на броши в форме цикад распространилась у народов гуннского союза [14, S. 196]. Однотипные броши известны у меровингов в V – начале VI в. [66, р. 17-26], остготов Италии в первой половине VI в. [67, S. 207, Tav. XVIII, 2] и готов-тетракситов на Черноморском побережье Кавказа в VI в. [34, с. 76, 101, рис. 3, 5,6]. Проследить назначение названных застёжек в костюме варваров Юго-Западного Крыма трудно, поскольку они происходят из разрушенных погребений. В Подунавье их носили женщины и девочки по одной или по две [14, S. 196]. В женском погребении 390 из могильника Дюрсо две броши лежали на плечах [34, с. 102-103].

В первой половине VI в. в Крыму начинается производство пальчатых фибул с концентрическими ромбами на ножке (рис. 3,26). Отлитые с тремя пальцами на полукруглой головке и декорированные кербшнитной резьбой эти фибулы отнесены А.И.Айбабиным к 1 варианту [1, с. 268]. При изготовлении собственной продукции херсонесские мастера использовали в качестве образцов аналогичные изделия из Подунавья и Италии [1, с. 268]. Привезенная из Подунавья фибула второй половины V в. с кербшнитным декором найдена на территории херсонесского некрополя (рис. 3,25) [6, с. 20, 193, рис. 14, 8].

Украшения. В состав женских украшений, бытовавших в Юго-Западном Крыму в V – первой половине VI в., входят: серьги, браслеты, перстни, бусы и подвески. Наряду с ними мы рассмотрим украшения одежды, головных уборов и фибул.

По форме и конструкции **серьги** из погребений V – первой половины VI в. представлены четырьмя типами.

Тип 1. Серьги в виде кольца из тонкой, круглой в сечении бронзовой проволоочки (размеры 1,6x1,8 см и 1,6x2,0 см) происходят из Лучистого, из погребений первой половины V в. (рис. 4,13,14). Серьга из склепа 55 сделана с гладкими, прямыми концами (рис. 4,13), а у серьги из склепа 100 один из концов закручен (рис. 4,14). Серьги

примитивны в исполнении и имеют широкий круг аналогий.

Тип 2. Бронзовые серьги-калачики в виде колечек из круглой в сечении проволоки с заостренными, сомкнутыми концами и утолщенной центральной частью (диаметр 1,4 и 1,5 см) (рис. 4, 15) обнаружены в Лучистом, в склепе 174 первой половины V в.

В римское время серьги этого типа встречаются на Среднем Востоке, на Кавказе и на территории Боспорского царства [68, 106, 109; 69, с. 120, табл. 9, 2; 70, с. 101, табл. XXXI, 6]. С конца IV и до VII в. они бытовали на широкой территории от Волги до Западной Европы [40, с. 76; 67, р. 522-525, fig. 136]. Распространение названных серег в первой половине V в. в Подунавье, у народов гуннского союза исследователи связывают с влиянием сармато-аланской культуры [68, р. 110]. С этим же фактором и с тесными экономическими контактами с Боспорским царством следует связывать появление серег-калачиков в Юго-Западном Крыму.

Тип 3. Золотые серьги с фигурным щитком, декорированные сканой провололочкой, сердоликом или красным камнем и янтарем (длина 3,8-4,3 см) (рис. 4, 16-19) обнаружены в богатых погребениях первой половины V в. из Лучистого и Алмалык-Дере [11, рис. 13, 7,8; 14; 15, 30; 21, 22,23; 36, S. 531, Abb. 7, 2]. Щиток сережек вырезан из пластины. К его верхнему краю припаяна провололочная дужка с заостренным концом. У всех серег в центре щитка напаяно каплевидное гнездо с плоской или выпуклой вставкой. Нижняя часть серег из Лучистого оформлена в виде трех круглых выступов, украшенных круглыми гнездами со вставками (рис. 4, 16, 17) или сканой провололочкой (рис. 4, 18). Щиток серьги из Алмалык-Дере завершается двумя круглыми выступами и петелькой из припаянной на обороте проволоочки, предназначавшейся для дополнительной подвески (рис. 4, 19).

Однотипные золотые серьги обнаружены в Керчи в склепах, открытых 24 июня 1904 г. и в 154/1904, в захоронении 9 [12, с. 53, 77, кат. 84, 243; табл. 22, 84; 50, 243] с инвентарем первой половины V в. [1, с. 266], а также в составе Таракташского клада из окрестностей Судака вместе с золотыми монетами Феодосия II (408-450 гг.) [71, с. 70, 71, рис. 1]. Якобы на Тамани нашли и хранящиеся в коллекции И. Диргардта однотипные серьги, купленные у семьи Мессаксуди [72, S. 125-126, Abb. 73-74]. Идентичные серьги находятся в коллекции А.Л.Бертье-Делагарда в Британском Музее [73, р. 98, fig. 1]. В сельской округе Европейского Боспора в первой половине V в. наряду с золотыми [74, с. 187, табл. XII, 18, 19] носили однотипные серьги из железа со стеклянными вставками [75, с. 36, 79, рис. 27, 2] и повторяющие их форму пластинчатые серебряные подвески [45, с. 42, рис. 4, 18]. В погребении 21 из некрополя "Сиреневая бухта" золотые серьги сопровождалась индикацией с монеты Грациана (367-375 гг.) [74, с. 155]. Видимо, описанные серьги производились на Боспоре в первой половине V в. [1, с. 68, 312, табл. XXVII, 111; 9, с. 209]. За пределами Крыма единственная аналогичная золотая серьга обнаружена среди инвентаря погребения богатой женщины из Эрана (Франция), относимого к горизонту Унтерзибенбрунн [19, р. 333, fig. 3].

Тип 4. В начале V в. в Юго-Западном Крыму входят в моду серьги с 14-гранником. По способу изготовления и крепления многогранника они делятся на три варианта. В V в. преобладают серебряные серьги 1 варианта с припаянным к одному из концов провололочного кольца литым многогранником (рис. 4, 1-9). Многогранник выполнен в форме куба со скошенными гранями. Некоторые серьги первой половины V в. имеют

небольшой диаметр кольца (1,7-1,9 см) и маленький полиэдр (0,3x0,5 см) (рис. 4, 1-3). Серьги из Лучистого целиком литые (рис. 4, 1,3). Небольшие размеры характерны и для серег первой половины V в. из Боспора и его сельской округи [46, рис. 4, 18; 12, с. 41, 85, табл. 11, 12; 55, 305; 75, с. 105, рис. 53, 17], а у некоторых из них маленькая 14-гранная бусина отлита вместе с кольцом [12, с. 53, табл. 22, 86; 75, с. 60, рис. 8,7]. У серег второй половины V в. диаметр кольца увеличивается (2,6-3,0 см), многогранник становится массивнее (0,6x0,7 см) (рис. 4,7-9). Некоторые серьги декорированы. Дужка серег из Сахарной Головки сделана из витой проволоки (рис. 4,6). Аналогичные золотые серьги, обнаруженные якобы на Тамани, хранятся в коллекции И. Диргардта [72, S. 122, Abb. 65, kat. Nr. 28]. На боковых гранях многогранников серег из Скалистого, из склепа 190 второй половины V в. выгравированы кружки (рис. 4,8) [8, с. 32, рис. 18, 39,40]. Так же украшены серьги из погребений V в. сельской округи Боспора [46, с. 34, рис. 4, 18; 75, рис. 53, 17].

Серьги с литыми многогранниками появились на рубеже IV-V вв. у населения римских провинций на Среднем Дунае и распространились у оседлых народов гуннского государства [67, S. 163-164]. В эпоху переселения народов они массово встречаются от Испании до Дагестана [34, с. 83-100, рис. 5, 26; 6, 3,29,50; 8, 6; 9, 1,2; 10, 9; 11, 3,32; 12, 1,2; 41, с. 54; 67, S. 162-167, Abb. 14]. В Крыму серьги с припаянными литыми многогранниками бытуют до середины VII в. [6, с. 58, рис. 2, 60]. Местные мастера изготавливали их по дунайским образцам, копируя не только форму серег, но и элементы их декора. В Крыму, как и в Подунавье производили серьги с витой дужкой [52, S. 281, 288, Abb. 40, 7; 46, 3] или с резным декором на многограннике [76, с. 37, 43, рис. 6, 67; 10, 13].

Бронзовые серьги 2 варианта сделаны с литым многогранником, насаженным на проволочное кольцо (рис. 4, 11). В боковых гранях 14-гранника серег второй половины V в. из Черной Речки укреплены красные камни полусферической формы (рис. 4, 11а).

Серьги 3 варианта с надетым на проволочное серебряное кольцо полым многогранником обнаружены в могиле 8/41 первой половины VI в. из Сахарной Головки (рис. 4, 10). Ромбические грани сделанного из фольги и заполненного пастой многогранника (рис. 4, 10а) плакированы листовым золотом и инкрустированы красными и белыми стеклянными вставками [23, с. 179]. Серьги с напускными многогранниками появились в Подунавье одновременно с литыми [41, с. 54; 67, S. 162-167; 77, S. 243, Abb. 2, 20,21]. По наблюдению Ф. Бирбрауера, серьги с ажурным, инкрустированным многогранником характерны для богатых варварских могил V-VI вв. из Подунавья и Италии [67, S. 164, 165, 244-248, Tav. XLVIII, 3; LVII, 2,3; LXXVIII, 6,7; LXXXVI, 2,4]. В Крыму серьги с ажурным многогранником не имели широкого распространения. Они найдены только в упомянутой могиле из Сахарной Головки и в могиле второй половины VI в. из Керчи [1, с. 103, рис. 38, 2]. Подобные серьги, происходящие, вероятно, из Керчи, хранятся в коллекции И. Диргардта [72, S. 123, Abb. 69, Kat. Nr. 31]. Керченские серьги совершенно идентичны дунайским: их кольца сделаны из перекрученных проволочек, а ажурный кубический многогранник инкрустирован гранатами. Видимо, они, как и серьги из Сахарной Головки привезены из Подунавья.

По форме и декору **браслеты**, бытовавшие в Юго-Западном Крыму в V – первой половине VI в. представлены шестью типами (рис. 5).

Тип 1. Бронзовые браслеты из круглой в сечении проволоки с прямыми, заходящими друг за друга концами (рис. 5, 1,2,8). Концы браслета из Лучистого слегка уплощены, а один из них декорирован мелкими насечками на боковых сторонах (рис. 5,8). Являясь

простыми в изготовлении, браслеты этого типа имеют широкие хронологические рамки и ареал. В Юго-Западном Крыму их носили как в римское время, так и в эпоху раннего средневековья [78, с. 102, тип 1].

Тип 2. Бронзовый браслет из Скалистого, из склепа 485 первой половины V в. сделан из круглого в сечении стержня (рис. 5,4). Один конец расплюснен и имеет круглое отверстие, второй, фрагментированный, видимо, был оформлен в виде крючка. Подобный браслет обнаружен в детской могиле IV в. из аланского могильника у с. Суворово [79, с. 107, рис. 60, 20]. Вероятно, названные украшения являются поздним вариантом проволочных браслетов с концами, закрученными в форме крючка и петельки, известных в Юго-Западном Крыму на сарматских памятниках I-II вв. [80, с. 38, тип I, табл. X, 9] и в аланских некрополях во второй половине III в. [42, с. 100, табл. XIII, 8; 81, с. 177, рис. 4, 4].

Тип 3. Бронзовый браслет первой половины V в. из склепа 100 могильника Лучистое, выполнен из крученой проволоки с сомкнутыми концами (рис. 5,5). В Крыму браслеты из крученой проволоки с концами различной формы известны в погребениях римского времени на некрополях Херсонеса [82, с. 99, тип 8; рис. 61, 18,20; 62, 9,11-13], Скалистое III [83, рис. 5, 23] и Ново-Отрадное [69, с. 120, 139, тип VIII, табл. 9, 15].

Тип 4. Браслеты с утолщенными концами. Бронзовый браслет из Скалистого, из склепа 421 первой половины V в. сделан из круглого в сечении стержня со слегка утолщенными, несомкнутыми концами (рис. 5,3). У бронзового и железного браслетов второй половины V в. из Лучистого, выполненных из овального в сечении стержня, утолщенные концы заходят друг за друга (рис. 5,9,10). Браслеты с утолщенными концами бытуют в Северном Причерноморье с I в. н.э. [69, с. 139, тип IV]. В.М.Зубарь связывает их распространение в Юго-Западном Крыму с притоком сармато-аланского населения [82, с. 99]. В этом регионе браслеты с утолщенными концами в римское время известны в Херсонесе [82, с. 99, тип 7, рис. 61, 15,17], на памятниках позднескифского сарматизированного населения [80, с. 36,38, типы III и V, табл. X, 1,2,7; 83, с. 144; 84, с. 93, группа I/16, табл. XXXIII, 16,20,23; 85, с. 110, рис. 33, тип V], а также в могильниках, оставленных аланами [41, с. 100, табл. XIII, 6; 81, с. 177, 180, рис. 4, 3,6; 7, 27; 86, с. 543, рис. 4, 15] и германцами [87, с. 268, рис. 10, 5,6; 88, с. 150, 156, рис. 5, 4; 7, 12].

Тип 5. Серебряные браслеты из круглой в сечении проволоки с прямыми, сомкнутыми концами, украшенными резными линиями обнаружены в детском погребении середины V в. из склепа 75 Лучистого (рис. 5,7) и в подбойной могиле 754 из Скалистого с серьгами с 14-гранниками (рис. 5,12) [8, с. 156-157, рис. 116, 8,9]. В большом количестве такие браслеты найдены в погребениях IV в. из Каллатиса [89, р. 51, 155, Pl. XXI]. В Чакваре подобный браслет зачищен в могиле первой половины V в. вместе с серьгами с многогранниками [76, с. 37, рис. 6, 67]. Аналогичные бронзовые браслеты обнаружены в склепе первой половины V в. некрополя Старожилово I из сельской округи Европейского Боспора [75, с. 64, рис. 12, 18,19] и в могильнике на р.Дюрсо в захоронениях с двупластичатыми фибулами варианта 16 (по А.В.Дмитриеву), бытовавшими в двух первых третях VI в. [34, рис. 5, 25; 8, 7; 9, 35].

Тип 6. Браслеты из круглого в сечении серебряного стержня с утолщенными, сомкнутыми концами с 5-ю поперечными, резными бороздками зачищены в погребении первой половины V в. из склепа 75 Лучистого (рис. 5,6) и в могиле 8/41 первой половины

VI в. из Сахарной Головки (рис. 5, 11). Браслеты этого типа появляются на Среднем Дунае на памятниках горизонта Д2/Д3 (430/440 – 470/480 гг.) [52, S. 270, 271, 284, Abb. 31, 8, 12; 33, 6; 43, 2] и становятся составной частью женского костюма германцев. Они распространены в остготских погребениях периода Д3 (450–480/490 гг.) в Подунавье [22, p. 168-169, Fig. III.26,f, Cat. n.III.6; 67, Tav. LXXXIV,2,3; 90, S. 326, 345, Taf. 52, VII,37.c; 91, с. 67, рис. 3,4] и конца V – начала VI вв. Италии [67, S. 318-319, Tav. XLII,4]. Такие браслеты носили аламаны во второй половине V в. [28, S. 210, 212, Abb. 213; 217; 92, S. 183, 185, Abb. 190; 193] и гепиды в VI в. [21, S. 217, № 166, Taf. CXCIV,2; CXCVI,8].

Перстни и кольца – немногочисленная категория украшений. Три кольца и два перстня происходят из погребений первой половины V в. (рис. 6, 1-4, 6) и только один перстень связан с комплексом второй половины V в. (рис. 6, 5). Кольца просты в исполнении: они сделаны из узкой гладкой (рис. 6, 1) или декорированной резными линиями (рис. 6, 2, 3) бронзовой пластинки.

Два серебряных перстня выполнены с раздвоенными, спирально закрученными концами, образующими жуковину (рис. 6, 5, 6). Один перстень – пластинчатый (рис. 6, 6), второй спаян из двух проволочек (рис. 6, 5). Принято считать, что прототипами для этих украшений служат перстни эпохи гальштата [85, с. 113, 114, рис. 34, 4; 93, с. 61, тип 4, рис. 17, 13]. Пластинчатые перстни этого типа широко распространены в комплексах римского времени варварских могильников из Юго-Западного Крыма [80, с. 42, табл. XIII, 3,4; 84, с. 149, табл. XXX, 34,42,47; 85, с. 113, 114, рис. 34, 4; 94, с. 510, рис. 14, 22; 95, с. 41, рис. 3, 16]. Их продолжали носить и в первой половине V в., о чем свидетельствуют находки из комплексов этого времени из Лучистого (рис. 7, 6) и Чатыр-Дара [1, с. 264; 88, с. 150, 156, рис. 5,3; 7,8]. Проволочные перстни, аналогичные найденному в Черной Речке, известны в V в. в Центральной Европе: в Смолине [96, S. 52, Abb. 30] и на аламанских некрополях [97, S. 44, Abb. 22, D].

Золотой перстень из Лучистого (рис. 6, 4) состоит из пластинчатого кольца и напаянной жуковины в виде трех круглых гнезд с плоскими гранатовыми вставками. Шинка перстня украшена напаянными по краям двумя рубчатymi и расположенной между ними гладкой проволочками. Точная аналогия перстню нам не известна. Перстень входил в состав парадного женского убора из могилы 82, производство которого связано с Боспором. Близкий по форме перстень обнаружен в Керчи, в одном из склепов, открытых 24 июня 1904 г. [12, табл. 22, 88], с инвентарем первой половины V в. [1, с. 266]. На Тамани нашли хранящиеся в коллекции И. Диргардта золотые бляшки, по форме, декору и технологии производства идентичные жуковине перстня из Лучистого [72, S. 192, Abb. 210-211].

Бусы и подвески. Бытовавшие в Юго-Западном Крыму в V – первой половине VI в. бусы выполнены из одноцветного и полихромного стекла, стекла с внутренней металлической прокладкой, янтаря, сердолика, коралла, кости и металла (рис. 7).

Среди стеклянных бусин преобладает мелкий шаровидный бисер диаметром 0,3 см из глухого черного и синего стекла (рис. 6, 7). Часто встречаются шаровидные бусы диаметром 0,5–0,7 см из синего полупрозрачного стекла, тогда как крупные экземпляры, диаметром 1,1–1,9 см из красного глухого, желтого и зеленого прозрачного стекла – единичны (рис. 7, 1). В первой половине V в. бытовали крупные, длиной 1,1–1,7 см цилиндрические, бочковидные и призматические бусины из белого, синего и красного

глухого стекла (рис. 7,2,3). 14-гранные бусины из синего полупрозрачного стекла с четкими, ровными гранями и острыми ребрами (рис. 7,4) были распространены на протяжении V – первой половины VI в. В первой половине V в. бусы этой формы делали и из зеленого прозрачного стекла. Бусы из полихромного стекла представлены крупными экземплярами шаровидной и бочковидной формы с накладными орнаментами в виде пятнышек, спиралей и фестонов (рис. 7,6-9). Названные одноцветные и полихромные стеклянные бусины из Юго-Западного Крыма находят многочисленные аналогии в памятниках позднеимперского времени из Северного Причерноморья (для одноцветных бусин: 98, с. 61-62, 64-65, 67, 69, 70, типы 1, 15, 55, 57, 116, 117, 134; для полихромных бусин: 98, с. 48, 50, 51, типы 263, 296а, 300; 99, с. 56, 57, типы 16, 46). Как уникальную отметим крупную, длиной 2,3 см биконическую бусину из синего глухого стекла первой половины V в. (рис. 7,5).

Бусы из прозрачного желтоватого или зеленоватого стекла с внутренней металлической прокладкой желтого цвета представлены шаровидными и бочковидными одинарными экземплярами, либо объединенными в нерасчлененную цепь (рис. 7,10). По технике изготовления они близки изделиям римского времени из Северного Причерноморья [98, с. 28-30, типы 1 и 2; 100, с. 72, 86, приложение II,3].

Из металла сделаны три бусины. Массивная бочковидная пронизь с валиками вокруг канала отверстия отлита из бронзы (рис. 7,13). Цилиндрическая пронизь, скрученная из рифленой бронзовой пластины имитирует аналогичные золотые изделия первой половины V в. (рис. 7,12) [11, с. 298, рис. 13, 3]. В середине V в. в Юго-Западном Крыму появляются четырнадцатигранные бусины из согнутой, тонкой серебряной пластины (рис. 7,11). На одной из граней у них виден шов на месте стыка краев пластины.

В погребениях первой половины V в. часто встречаются мелкие коралловые, светло-розовые цилиндрические бусины (рис. 7,15). В Северном Причерноморье аналогичные коралловые бусы известны на памятниках III-IV вв. [101, с. 27, 30, рис. 21, типы 3-6] и первой половины V в. [102, с. 123, рис. 1, 10]. В первой половине V в. в Юго-Западном Крыму продолжают бытовать характерные для римского времени сердоликовые 14-гранные уплощенные пронизы с односторонним сверлением канала отверстия (рис. 7,14) [100, с. 77, тип 113]. В римское время бусы этого типа распространены на широкой территории от Волги до Рейна и массово встречаются на памятниках черняховской культуры [103, с. 72, 73, рис. 42; 104, с. 155-156]. Отметим, что в Юго-Западном Крыму 14-гранные сердоликовые бусины существовали вплоть до VII в. [105, с. 498, рис. 3, 9]. Среди янтарных изделий V в. преобладают крупные (диаметр 1,0-3,1 см) цилиндрические бусины с хорошо отшлифованной поверхностью (рис. 7,16). Некоторые крупные бусины (диаметр 1,8-3,5 см) (рис. 7,17-19) и подвески (высота 2,7 и 3,2 см) (рис. 7,21,22) первой половины V в. выполнены из слегка подправленной природной янтарной гальки. Одновременно в Юго-Западном Крыму появляются вытянутые бочковидные янтарные бусины с хорошо отшлифованной поверхностью (рис. 7,20). В склепе 434 из могильника Скалистое обнаружена янтарная грибовидная подвеска (рис. 7,23) [8, с. 106, рис. 76, 30]. В римское время янтарные грибовидные подвески распространены в могильниках вельбарской, пшеворской и черняховской культур [106, с. 151-152]. Появившись в Крыму в III в., они становятся особенно популярными в IV в. у варварского населения Юго-Западного региона [44, с.

95; 98, с. 24-25, тип 21; 95, с. 41, рис. 3, 5; 100, с. 75-76, 82, тип 108]. Указанная выше грибовидная подвеска из Скалистого – самая поздняя находка этого типа украшения из Крыма, относящаяся к концу IV – первой половине V в.

В Скалистом, в склепе 421, в погребении 2 первой половины V в. обнаружена костяная пирамидальная подвеска, так называемая палица Геракла, украшенная резными кружками с точкой по центру (рис. 7,24). Такие подвески считаются амулетами. Их происхождение связывают с распространением культа Геракла у варварских народов и с расселением германских племен [106, с. 153]. Пирамидальные костяные подвески типичны для черняховской культуры [107, с. 72]. В настоящее время на ее территории открыты мастерские по обработке кости и рога, где обнаружены пирамидальные подвески на разной стадии обработки [108, с. 105, 107, рис. 8; 109, р. 95, fig. 1.143, 1]. Подвески этого типа известны в погребениях конца IV – начала V в. из Паннонии [76, с. 33, 39, рис. 8, 58] и первой половины V в. из Керчи [12, с. 90, кат. 349, табл. 58, 349]. Их использовали аламаны [92, S. 439, Abb. 504] и гепиды во второй половине V – первой половине VI в. [110, р. 96, кер. 1; 111, р. 149-150, Kat. 211].

Металлические подвески представлены колокольчиками (рис. 8, 1-6), проволочными (рис. 8, 7-11) и пластинчатыми изделиями (рис. 8, 12-21).

Бронзовые подвески-колокольчики с круглым отверстием в верхней части бытовали на протяжении V – первой половины VI в. (рис. 8, 1-6). В основном колокольчики имеют полусферическую форму, только один из них – первой половины VI в. – конический (рис. 8, 5). В двух колокольчиках сохранились проволочные биты, которые продевались в отверстие и завершались петелькой для подвешивания (рис. 8, 1, 6). Традиционно колокольчики относят к одному из самых распространенных видов амулетов-оберегов, бытовавших у разных народов [112, с. 22]. Полусферические подвески-колокольчики, подобные описанным, известны на связываемых с аланами памятниках Северного Кавказа первых веков н.э. [113, с. 154, рис. 62, 9-11], Буджакской степи второй половины III – начала IV в. [114, с. 181, 190, рис. 3, 15] и Юго-Западного Крыма III-IV вв. [81, с. 180, рис. 7, 20, 21; 95, с. 40, 43, рис. 2, 11; 5, 20]. В V – первой половине VI в. бляшки-колокольчики украшали костюм жительниц Танаиса [70, с. 42, 43, 108, табл. XXXII, 12] и сельского Европейского Боспора [46, с. 34, рис. 4, 8; 74, с. 188, XIII, 6, 27, 37, 40]. Именно на памятниках Боспорского царства находит аналогии конический колокольчик первой половины VI в. из Скалистого [74, с. 187, табл. XII, 33-35].

Из круглой в сечении проволоки изготавливались подвески-колечки диаметром 1,0-1,7 см (рис. 8, 7, 9). Происходящая из Лучистого, из склепа 126 подвеска состоит из двух, продетых одно в другое колечек (рис. 8, 8). В качестве подвески использовали и железную цепь, образованную 16-18-ю круглыми проволочными звеньями (рис. 8, 10). Такие цепи известны на памятниках позднеримского времени западных балтов в Польше [115, S. 104, Taf. XVI, 1] и V-VI вв. балтских племен в Литве [116, р. 100, 101, 120, раv. 161, 1; 162, 5; 190, 1].

Цилиндрические подвески-трубочки выполнены из свернутой гладкой бронзовой пластины (длина 2,0-3,6 см) (рис. 8, 12). В Керчи найдены аналогичные украшения из бронзы [101, с. 23, тип 4, табл. 40, 20] и происходящие из склепа 165, погребения первой половины V в. – из серебра [12, с. 81, кат. 273, табл. 53, 273]. Цилиндрические трубочки-пронизи носили в V-VI вв. балты [116, р. 88, раv. 144, 5].

В погребениях первой половины V в. обнаружены пластинчатые прямоугольные (рис. 8, 13, 14), трапециевидные (рис. 8, 15-17) и полусферическая (рис. 8, 18) подвески. Прямоугольные подвески выполнены из бронзы и железа. Гладкая бронзовая подвеска из Скалистого снабжена двумя отверстиями. Железная подвеска из Лучистого украшена тремя квадратными вставками из красного камня (рис. 8, 13). Назначение этих двух изделий не вполне ясно. В Скалистом пластина лежала вместе с другими подвесками и костяным амулетом в ногах у ребенка. Железную подвеску в Лучистом извлекли вместе с бусами и фибулой из краснолакового блюда. Возможно, это декоративные накладки или ременные бляшки (о чем свидетельствует наличие двух отверстий), вторично использованные в качестве подвесок.

Трапециевидные подвески высотой 1,4; 2,8 и 3,2 см сделаны с круглым отверстием в верхней части. У подвески из Скалистого в отверстие вставлена проволочная петля (рис. 8, 15). На проволочную петлю надеты две подвески из Лучистого (рис. 8, 17), которые вместе с полусферической подвеской (рис. 8, 18) прикреплялись к цепи. Трапециевидные подвески известны в позднеримское время у западных балтов [115, S. 105, Taf. XVII, 9,10]. Балтийские племена использовали в качестве украшений пластинчатые подвески, прикрепленные к цепи [116, s. 92, par. 149, 2].

В Скалистом, из склепа 421 вместе с двумя маленькими трапециевидными подвесками извлекли четыре проволочные скрепки с загнутыми в петельки концами (рис. 8, 11). Возможно, подвески вместе со скрепками составляли единое сложное украшение, подобное найденным на территории черняховской культуры [107, с. 275, рис. 74, 15, 16].

В Сахарной Головке, в могиле 41 первой половины VI в. обнаружен набор выполненных в едином стиле серебряных пластинчатых подвесок: одной овальной (рис. 8, 20), двух круглых (рис. 8, 21) и двух пельтовидных трехрогих лунниц (рис. 8, 19). Все они сделаны с рифленой цилиндрической петелькой для подвешивания. Пельтовидные подвески из Сахарной Головки типологически близки гладким трехрогим лунницам, бытовавшим в период C2/C3-D (180-420 гг.) на памятниках черняховской культуры и в Северной Европе [117, с. 116-118, рис. 4; 5]. По мнению С.Ю.Каргопольцева и И.А.Бажана, прототипами им послужили провинциально-римские фибулы и накладки [117, с. 115]. Аналогичные подвески известны в Поволжье и Прикамье [117, с. 116]. Гладкие трехрогие пельтовидные подвески бытовали и позже. Одна из них входила в состав ожерелья из погребения девочки второй половины V в. из некрополя Миттерхоф (Северная Австрия), связываемого с одним из восточногерманских племен [58, S. 104, Taf. 2, 3]. По паре идентичных подвесок обнаружено в погребении остготки второй половины V в. из Венгрии [118, S. 76, Abb. 6, 2,3] и в комплексе первой половины VI в. из сельского некрополя Силеневая бухта на Европейском Боспоре [74, с. 188, табл. XII, 33,34]. В склепе 23/11 этого же некрополя трехрогая подвеска-лунница с рифленой петелькой для подвешивания использована в украшении ременного гарнитура первой половины VI в. [75, с. 104, рис. 52, 26]. На памятниках сельской округи Европейского Боспора нашли аналогии круглые подвески из Сахарной Головки [74, с. 188, табл. XIII, 15,28,29]. Сочетание лунниц-пельт с круглыми и прямоугольными подвесками, носившимися в одном ожерелье, отмечено для черняховской культуры [107, с. 71; 117, с. 116].

Бусы и подвески использовали в ожерельях, ими украшали фибулы. Длина нити с бусами в ожерельях не велика. Они образованы, в основном, мелкими стеклянными

шаровидными бусинами (рис. 6, 7) или бусами из стекла с внутренней металлической прокладкой (рис. 6, 8). Лишь ожерелье из склепа 58 первой половины V в. состояло из цилиндрических коралловых бусин (рис. 7, 10). Ожерелье из женского погребения из склепа 75 набрано из янтарных бусин чередующихся с шаровидным стеклянным бисером (рис. 6, 9). Зародившийся в первой половине V в. этот принцип составления ожерелья становится преобладающим в VI – первой половине VII вв. [119, с. 343]. В V в. в низке бус, носившейся на шее, крайне редко используются металлические подвески. Напротив, в ожерелье из Сахарной Головки, из погребения первой половины VI в., включены сразу 5 подвесок, представлявших собой выполненный в едином стиле гарнитур.

Отличие от ожерелий, низки, украшавшие фибулы, составлены из крупных бусин и различных подвесок. В Лучистом, в склепах 55 и 100, а также в могиле 168 по зафиксированному *in situ* расположению бус и подвесок удалось реконструировать украшения фибул. Около фибулы в захоронении 2 из склепа 55 лежали крупные бусины из стекла и янтаря и небольшие бусины из стекла с внутренней металлической прокладкой. В погребении 12 из склепа 100 рядом с двупластинчатой фибулой зачищены бронзовые 4 трубочки, полусферические подвески-колокольчики и две стеклянные синие призматическая и 14-гранная бусины (рис. 9, II). Одна из бусин находилась под полусферической подвеской. В центральной части спинки и у ее основания, а также на головке фибулы сохранились остатки нити (рис. 9, 3А). Вероятно, на укрепленную на спинке фибулы нить и были нанизаны лежавшие рядом подвески и бусы, образуя, таким образом, единое украшение (рис. 9, 3В).

В могиле 168 среди женских предметов туалета лежала фибула с двумя, носившимися попеременно наборами украшений: низкой бус и железной цепью с бронзовыми пластинчатыми подвесками (см. рис. 6, 1 в статье А.И. Айбабина в данном сборнике). К крайним звеньям цепи, крепившейся на игле фибулы, подвешивались пластинчатые подвески – две трапециевидные и одна полусферическая (там же, рис. 6, 3). На игольном аппарате фибулы фиксировалось и второе украшение – низка из 6 стеклянных, 4 янтарных, двух сердоликовых бусин и бронзовой литой пронизи (там же, рис. 6, 2). Набор составлен таким образом, что каждый вид бус в нем представлен парой. Закономерность в подборе бусин может быть связана как с их декоративной функцией, так и с магическими представлениями древних, наделявших изделия из янтаря, сердолика и полихромного стекла необыкновенными свойствами [112, с. 20]. В V в. одиночные двупластинчатые фибулы украшали бусами аланы Северного Кавказа [120, с. 73; 121, с. 117, 141, рис. 18, 2, 5; 40, 3, 9, 10]. Двупластинчатая фибула из женского погребения кургана 20 Паласа-Сыртского могильника была обмотана на спинке толстой крученой нитью, на которую нанизывались лежавшие рядом 15 бусин и различные подвески [122, с. 58].

Предметы украшения одежды и головных уборов. В V в. жительницы Юго-Западного Крыма украшали одежду и головные уборы нашивными бляшками из золотой фольги и бусами. Остатки богато декорированного головного убора зафиксированы в женском погребении из разрушенной могилы 82 первой половины V в. могильника у с. Лучистое. От самого захоронения сохранились следы костного тлена и два скопления золотых предметов [11, с. 283, 285, рис. 12]. Среди костного тлена собраны перстень и 20 круглых нашивных бляшек, украшавших, видимо, рукава или пояс платья

погребенной [11, рис. 13, 1-10, 15]. Отдельно, в небольшом, круглом в плане углублении лежали золотые две серьги, круглая бляха с петельками для пришивания на обратной стороне, 48 пронизок-трубочек, штампованные нашивные бляшки из тонкого листа – набор сигмовидных из 106 рядовых и 4 концевых, 45 круглых, 34 треугольных, 13 ромбовидных, 12 подвесок-лунниц и 30 коралловых бусин. Описанное скопление предметов относилось к головному убору, так как здесь найдены серьги и сигмовидные бляшки, образующие при нашивке прямую полосу. Вероятно, бляшки и пронизи были нашиты на матерчатую налобную повязку шириной 6,5-7,0 см, длиной не менее 40 см. Среднюю часть ленты занимали две полосы из плотно прилежавших друг к другу 53 тонких сигмовидных бляшек, ограниченных приемниками. В центре повязки, между полосами, крепилась круглая бляха с гранатовой вставкой. Вдоль верхнего края полос из сигмовидных бляшек были нашиты 34 треугольные бляшки, а вдоль нижнего – 13 ромбовидных бляшек, свободное пространство между которыми занимали – в верхнем ряду – 12 пронизок-трубочек, а в нижнем – 12 подвесок-лунниц и коралловые бусы. Подвески-лунницы были, видимо, пришиты по самому краю матерчатой ленты, на пространстве в 20 см и свисали на лоб (рис. 10). Серьги, лежавшие вместе с нашивными бляшками, могли носить и как височные подвески, укрепив в материи по обе стороны от полоски подвесок-лунниц [11, с. 301, рис. 14].

Остатки украшения горловины платья зафиксированы в склепе 11 V в. из могильника Черная Речка. В женском захоронении выявлено 11 прямоугольных золотых нашивных бляшек и более сотни мелких шаровидных бисерин из синего стекла. Золотые бляшки спаяны из 4 трубочек, скрученных из рифленной фольги (рис. 11,2). Одна из бисерин застряла в канале отверстия бляшки. Видимо, на ткань бляшки были нашиты вместе с бисером, образуя декоративную полосу (рис. 11,1,8).

Две золотые пронизки в виде спаренных трубочек из скрученной тонкой рифленной пластинки (длина 1,3 см) лежали среди перевернутых костей захоронения на полу камеры склепа 41 могильника у с. Лучистое. Пронизками вместе с найденными там же шаровидными бусами из стекла с внутренней металлической прокладкой могла быть расшита одежда.

В коллекции И. Диргардта из Римско-Германского Музея г. Кельна хранится найденный якобы в Гурзуфе набор из золотых 28 пронизей-трубочек, 11 ромбовидных бляшек и 11 подвесок-лунниц (рис. 12,5) [72, S. 133-134, Kat. Nr. 45, Abb. 93]. По форме, декору и технике исполнения гарнитур из Гурзуфа аналогичен деталям диадемы из Лучистого и обшивки горловины платья из погребений первой половины V в. некрополя Танаиса (рис. 12,3,4) [123, с. 97, табл. 1, 3-5; 2, 5-7]. В Лучистом пронизи-трубочки, ромбовидные бляшки и подвески-лунницы были составной частью головной повязки-диадемы. В Танаисе идентичные по составу наборы образовывали самостоятельное украшение горловины платья. В могиле 295 танаисского некрополя бляшки и пронизи зафиксированы в определенном порядке между ключицами полосой в 17,5 см (рис. 12,3) [124, с. 61-62, рис. 1Б, 4-6; 2, 2]. В погребении 3/1990 нашивки также лежали между ключицами, "укладываясь в дугообразную фигуру протяженностью около 16 см" (рис. 12,4) [123, с. 99]. Все три набора – из Танаиса и Гурзуфа – близки по количественному составу: в каждом число ромбовидных бляшек и лунниц одинаково, а пронизей – превышает в 2,5-3,5 раза. Гурзуфские украшения также могли

предназначаться для обшивки горловины платья (рис. 12,5). Близкое по типологическому составу ожерелье первой половины V в. обнаружено в Южной Испании, в Гранаде-Альбаицин [125, р. 6,8, fig. 1, 17]. В.Кузнецов относит испанскую находку к аланам, присутствие которых в названном регионе в первой половине V в. засвидетельствовано письменными источниками [125, р. 10]. Подвески-лунницы с закрученными концами, в отличие от западных трехрогих пельтовидных подвесок, характерны для сармато-аланских древностей. Во второй половине III – IV вв. сарматы носили в ожерельях по одной пластинчатой луннице с петелькой для подвешивания [126, с. 65, 102, рис. 31,5]. Одновременно в аланских могильниках Юго-Западного Крыма известны как одиночные пластинчатые подвески-лунницы [101, с. 25-26, тип 27], так и их наборы из 3 или 8 экземпляров [81, с. 180, рис. 7, 23-25; 95, с. 40, рис. 2, 18]. В погребении аланки из кургана 26 второй половины III – начала IV в. из могильника Градешки в Буджакской степи зачищен набор из золотых 4 цилиндрических пронизей и 5 подвесок-лунниц (рис. 12,2) [114, с. 181-182, рис. 3, 2,5,6]. Подвески состоят из овальной золотой пластины с напаянными в форме лунницы филигранными и гладкими проволочками. Возможно, названный гарнитур – пример одного из прототипов для аналогичных украшений первой половины V в. Поздние наборы имеют те же основные компоненты (лунницы и пронизи) и составлены по тому же принципу (чередование пронизей и лунниц). Повторяя форму более ранних лунниц, мастера первой половины V в. упростили и стандартизировали их производство, применив технику штамповки из тонкой фольги.

Украшать одежду и головные уборы нашивными бляшками с геометрическим и растительным орнаментом и бусами – традиция, характерная для сармато-аланского мира. В богатых женских погребениях среднесарматского периода из Причерноморья, Подонья и Прикубанья почти всегда находят золотые нашивные бляшки [112, с. 13-15; 127, с. 76]. Ими обычно расшивали горловину платья, ворот и рукава накидки [128, с. 55; 129, с. 169-173]. Головные уборы знатных сарматок украшали золотыми бляшками или бусами из полудрагоценных камней [130, с. 221; 131, р. 219]. В сарматских могильниках Юго-Западного Крыма римского времени также фиксируется обычай обшивания одежды бусами и золотыми бляшками [80, с. 33, 35; 132, с. 50]. Служившие для украшения одежды золотые бляшки известны в погребениях ранних алан Северного Кавказа [38, с. 116, 118, рис. 70, 20; 113, с. 159]. В области кочевания аланских племен в Восточном Прикаспии (юго-западный Казахстан), в пещере на восточном берегу озера Батырь, в составе клада III в. обнаружена налобная повязка длиной 46 см и шириной 3 см из небеленого льняного холста, суживающаяся к концам и покрытая красной шелковой тканью с нашитыми в два ряда круглыми бляшками из золотой фольги [133, с. 120-121, рис. 4, 3; 6]. Отметим, что на Северном Кавказе в повязках-диадемах аланы хоронили женщин и в эпоху средневековья. Одна из сохранившихся повязок-диадем VIII в. из могильника Мошечая Балка выполнена из шелка в виде полосы шириной от 4 до 9,5 см. Расширяющаяся в центре надо лбом повязка завязывалась на затылке и носилась поверх шапки с наконником [134, с. 17, 44, кат. 13, схема 8,1].

В первые века н.э. одежда, расшитая золотыми бляшками, входит в моду у жителей Боспорского царства. Ее появление исследователи связывают с сарматизацией местного населения [135, с. 243-244], либо с проявлением восточных влияний, проникавших через посредство алано-сарматских племен, населявших арало-

каспийские степи [136, с. 394-395]. В первой половине V в. богатые представительницы греко-аланского населения столицы царства [1, с. 80] обильно украшали свои наряды золотыми бляшками, о чем свидетельствуют их многочисленные находки в склепах городского некрополя [12, табл. 25, 94-97; 53, 287; 57, 319, 323]. В одновременных аланских погребениях из Танаиса присутствуют более скромные наборы золотых нашивок [123, с.97, табл. 1, 3-5; 2, 5-7; 137, с. 237, рис. 2, 2-4].

Вызванное гуннским нашествием продвижение аланских племен на Запад способствовало распространению в Центральной и Западной Европе моды на расшитую множеством мелких золотых бляшек одежду [138, с. 83, 85]. Наборы золотых нашивок присутствуют во многих богатых женских погребениях, относящихся к горизонту Унтерзибенбрунн [11, с. 301-302, 309; 138, с. 83, 85, 94-95, табл. 2; 5; 139, р. 423]. Гарнитур золотых нашивных бляшек зафиксирован и в синхронном погребении из Ираги в горном Дагестане [140, с. 102, рис. 49, 10,14,15,17]. Золотые нашивные бляшки первой половины V в. во всем их ареале представлены близкими по типологическому составу гарнитурами [138, с. 94, табл. 2]. Формы бытовавших в этот период бляшек традиционны для сармато-аланского мира [1, с. 70; 11, с. 301-302].

В Крыму центром моды на золотые нашивки в V в. безусловно было Боспорское царство. Именно на Боспоре находят полные аналогии наборы из женских погребений Юго-Западного Крыма. В могиле из Синявки, расположенной на танаисском некрополе [102, с.126], сохранился гарнитур из треугольных и круглых бляшек двойных пронизей (рис. 12, 1) [137, с. 237, рис. 2,2-4]. Круглыми нашивными бляшками были расшиты горловина и рукава одеяния погребенной на краю центральной лежанки в склепе 165 боспорского некрополя. Ворот платья из захоронений 2 и 7 боспорского склепа 154 украшали спаянные из 3 или 4 трубочек пронизы [12, с. 74, 96, кат. 220, табл. 47, 220], подобные найденным в Черной Речке, в склепе 11. Гарнитур из 9 аналогичных бляшек, происходящий, вероятно, из Керчи, содержится в Британском Музее, в коллекции А.Л.Бертье-Делагарда [142, S. 110-111, Abb. 1,16a]. Как отмечалось выше, набор бляшек, найденный якобы в Гурзуфе, идентичен обшивкам горловины платья из могил танаисского некрополя.

Близкие по составу лучистинской диадемы наборы обнаружены в Керчи, в двух склепах, открытых 24 июня 1904 г. [12, с. 55; табл. 25, 95а, 96в,г,д]. Из Керчи происходят и хранящиеся в Лувре и в Музее Метрополитен в Нью-Йорке гарнитуры из сигмовидных, круглых и треугольных бляшек [141, р. 114-115, fig. 8-10]. В отличие от боспорских наборов, лучистинская диадема включала круглую бляшку, декорированную в новом инкрустационном стиле, возникшем у гуннов в Подунавье [1, с. 79; 11, с. 298, рис. 13, 10]. Сходные по форме и декору бляшки, служившие для украшения доньев золотых чаш, известны в Подунавье [14, S. 75, 133, Abb. 26, 1; 88; Taf. VII]. Названную бляшку могли привезти из Подунавья или изготовить на Боспоре – в первой половине V в. в местных мастерских по дунайским образцам делали вещи, украшенные в гуннском инкрустационном стиле [1, с. 79; 10, с. 72].

Детали диадемы из Лучистого представляют единый гарнитур. Все они выполнены из золота 750 пробы (табл. 1) и украшены в одном стиле. Основу орнаментальной композиции лучистинской диадемы образуют бляшки, штампованные из тонкой золотой фольги с выпуклой серединой и с имитацией сканой проволоочки по краю. Такие

выпуклые, полые изделия создавали видимость массивных вещей при минимальной затрате металла. Вес отдельно взятой бляшки из описанной налобной повязки колеблется от 0,03 до 0,30 гр. в зависимости от типа (табл. 1). Всего на изготовление 262 бляшек было затрачено около 30 гр. золота, однако, в готовом виде диадема производит впечатление довольно массивного изделия. Отверстия на бляшках нанесены иглой в момент пришивания. Бляшки не предназначались для перешивания – тонкая фольга могла порваться. Видимо, диадема полностью сделана в одной мастерской. Ремесленник штамповал из фольги необходимое для создания орнаментальной композиции количество бляшек каждого типа и сразу пришивал их на ткань в определенном порядке. Возможно, подобные налобные повязки делались и по индивидуальному заказу – мастер должен был учесть не только эстетические вкусы заказчицы, но и размер ее головы. Лучистинская диадема могла попасть в Юго-Западный Крым уже в готовом виде, с нашитыми на ткань или кожу бляшками. То же можно сказать и о гурзуфском гарнитуре. Бытовавшие в V в. в Юго-Западном Крыму стандартные наборы украшений одежды и головных уборов, скорее всего, производились в мастерских Боспорского царства. Вероятно, их привозили вместе с одеждой, уже нашитыми на ткань.

Предметы туалета и орудия труда. Предметы туалета представлены зеркалами и пиксидами. Круглые зеркала отлиты из белого металла с петелькой на обороте, рельефным орнаментом и небольшим бортиком по краю. По орнаменту зеркала разделены на два типа.

Тип 1. Зеркала диаметром 5,0-7,0 см с “ячеистым” орнаментом. У зеркал варианта 1 крупные ячейки расположены в один ряд по окружности (рис. 13, 1-3), у зеркал варианта 2 – мелкие ячейки образуют два concentрических круга (рис. 13, 4-6).

Зеркала с петелькой на оборотной стороне появились в конце II – III вв. у сармат, в районе Поволжья, в результате заимствования сибирско-китайских форм зеркал и под влиянием орнамента на сарматских зеркалах с боковым ушком [143, с. 67-68]. В гуннское время зеркала с петелькой на обороте широко распространены в Центральной и Западной Европе, где их появление связано с движением гуннского племенного объединения на запад [40, с. 99-100; 144, с. 254] и с участием в его составе алан [145, с. 99-100].

В Юго-Западном Крыму зеркала с петелькой на обороте появляются в IV в. на принадлежащих аланам памятниках. Относящиеся к этому времени зеркала типа 1/1 с ячейками в один ряд найдены в Дружном [146, с. 150, рис. 5, 16] и Скалистом (8, с. 122, рис. 89, 2]. Судя по находкам из некрополей Инкерман, Алмалык-Дере и Лучистое, зеркала с ячейками в один ряд продолжали использовать и в первой половине V в. [11, с. 280, рис. 4, 1; 36, S. 531, Abb. 7, 4; 43, с. 20, рис. 10, 7]. Одновременно в Юго-Западном Крыму бытуют зеркала типа 1/2 с двумя concentрическими кругами из мелких ячеек [8, с. 9, рис. 4, 16; 63, рис. 3, 10].

Зеркала с ячеистым орнаментом характерны для материальной культуры алан Северного Кавказа в позднеримское и раннесредневековое время. Символизирующие солнечный диск зеркала были связаны с сармато-аланским огненно-солнечным культом [145, с. 99]. Зеркала с ячейками в один ряд появляются у алан Северного Кавказа во второй половине III в. и бытуют вплоть до середины V в. [38, с. 31, 80, 81, 88, рис. 16, 7; 51, 5; 52, 14; 59, 3; 45, с. 87, рис. 1, 9; 120, с. 46, 75, рис. 3, 7; 14, 10]. Они преобладают

среди зеркал первой половины V в., распространившихся в Центральной и Западной Европе в связи с продвижением аланских племен на Запад [52, S. 259, 269, 271, Abb. 24, 1; 30, 7, 12, 17; 32, 9; 76, с. 43, рис. 10, 2, 16; 144, с. 266, рис. 3, тип B; 147, S. 323, 344, Taf. 49, VII, 34d; 148, p. 74, fig. 4]. В Среднем Подунавье зеркала с ячейками в один ряд использовались и во второй половине V в. [20, Abb. 28, 17; 29, 22; 149, S. 116, Abb. 11, 6; 150, S. 76, Abb. 62, 1].

Более крупные зеркала с двумя концентрическими кругами из мелких ячеек появляются у алан Северного Кавказа в первой половине V в. и, по-видимому, являются поздним вариантом зеркал с ячейками в один ряд. На Северном Кавказе они фиксируются в погребениях V в. из могильников Гиляч [151, с. 231, рис. 6, 2], Тамгацик, [38, с. 58, рис. 36, 15], Мукулан [38, с. 73, рис. 48, 12], Чми-1 [38, с. 89, рис. 60, 4, 16], Клин-Яр III [121, с. 141, рис. 40, 1], Паласа-Сырт [120, с. 97, рис. 21, 13] и известны в более позднее время [45, с. 109, рис. 23, 21; 125, p. 173, fig. 19, 7, 8]. В Центральной Европе зеркала с двумя концентрическими кругами из мелких ячеек единичны [14, S. 157, Abb. 97/3; 52, S. 250, Abb. 17, 20; 144, с. 266, рис. 3, тип C; 153, Taf. LXXVII, B4]. Все происходящие из Крыма зеркала этого типа связаны с комплексами первой половины V в. В восточной части полуострова они найдены по одному в Керчи, в склепе 154 (12, табл. 49, 238) и в гуннском погребении из Изобильного [153, с. 390, рис. 4, 8]. Как отмечалось выше, из Юго-Западного Крыма происходит три зеркала с двумя концентрическими кругами из мелких ячеек (рис. 13, 4-6). Их присутствие в названном регионе свидетельствует о контактах местных алан с родственными племенами Северного Кавказа в первой половине V в.

Тип 2. Зеркало с концентрическими выпуклыми кругами диаметром 5,0 см (рис. 13, 7) обнаружено в Совхозе 10, в склепе 8 V в. [154, с. 270, рис. 5, 25]. Однотипные зеркала известны в погребениях V в. на городских и на сельских некрополях Боспора [12, табл. 49, 238; 54, 297; 46, с. 34, рис. 4, 22; 75, с. 67, 92, рис. 15, 2, 3; 40, 5].

В погребениях зеркала обычно лежат в области пояса. Их носили в специальном чехле или подвешивали к поясу на продернутой через петельку веревке. На зеркале из погребения 6 склепа 165 из Керчи сохранился обрывок кожаного чехла [12, с. 84, кат. 297].

Пиксиды – туалетные коробочки со съемной крышкой в Юго-Западном Крыму обнаружены только на некрополе Лучистое, в погребениях первой половины V в. (рис. 14, 1-3). Все они сделаны из крупной трубчатой кости животного небольшого диаметра и имеют цилиндрическую форму. Тулово пиксид украшено выполненными на токарном станке врезными параллельными линиями. На крышке и вставном дне – концентрические врезные линии. На донышке, в центре, небольшое точечное углубление – след от закрепления на токарном станке.

Пиксиды были широко распространены в греко-римском мире; в них хранили мази, румяна, пудру и различные мелкие вещицы [155, с. 199]. В пиксиде из могилы 168 могильника у с. Лучистое сохранились кусочки румян и белила. Остатки румян зафиксированы и на внутренних стенках пиксиды, происходящей из Тиритаки, из уничтоженного во время гуннского вторжения помещения V [156, с. 124]. Производство костяных пиксид было широко распространено в античных городах Северного Причерноморья [157, с. 68]. Из специфики технических приемов их изготовления следует, что пиксиды были продуктом мастеров-токарей, специализировавшихся на

производстве этого вида изделий для рынка. Пиксиды были ходовым товаром прежде всего на городских рынках, отсюда они поступали и в поселения сельского типа и к варварам, которые не пользовались токарным станком [155, с. 209-210]. Пиксиды, аналогичные лучистинским, найдены только на территории Боспорского царства: в Тиритаке [156, с. 124, рис. 155] и в погребениях первой половины V в. из Керчи и Заморского [6, с. 18, рис. 2, 61; 12, с. 41, кат. 15, табл. 11, 15; 46, с. 34, рис. 4, 1]. Видимо, в Юго-Западный Крым пиксиды вместе с содержимым привозили из Боспора.

В Лучистом, в могиле 168, рядом с мужским погребением, в слое темно-коричневого органического тлена зачищены зеркало и пиксида, лежавшие вместе с фибулой, украшениями и ножом. Эти женские аксессуары следует рассматривать как дар жены умершему. Вероятно, они были помещены в сумочку из ткани или кожи, расшитой мелкими коралловыми бусинками.

Орудия труда в женских погребениях представлены ножами и пряслицами. Около половины женских погребений содержали железные ножи с остатками деревянных ножен на лезвии и деревянных рукоятей на черенках. Длина их 9,0-17,0 см. Иногда деревянную рукоять закрепляли железной заклепкой или бронзовым гвоздиком с фигурной шляпкой, тем самым украшая ее. На лезвии ножа из могилы 168 видны остатки деревянных, обтянутых кожей ножен. В погребениях ножи лежат около правой или левой локтевой кости, реже – на тазе. Видимо их подвешивали к поясу, либо носили в сумочке вместе с туалетными принадлежностями.

Пряслица выявлены только в комплексах первой половины V в. Все они керамические, биконической формы (рис. 14, 4-6). В погребениях пряслица фиксируются около правого плечевого сустава, либо в области груди, около фибул [8, с. 101]. Пряслица могли использовать в качестве подвесок к фибулам или носить в ожерелье с бусами.

Характеристика гарнитуров. Происходящие из одного захоронения функциональные детали одежды, украшения и туалетные принадлежности образуют единый гарнитур. По наличию функциональных деталей гарнитуры представлены двумя типами: 1 – с фибулами; 2 – с пряжками. Гарнитуры 1 типа известны только в захоронениях первой половины V в., 2 типа – в погребениях V – первой половины VI вв.

Гарнитуры 1 типа с фибулами, без пряжек, выявлены в комплексах из могильников Инкерман, Скалистое и Лучистое (рис. 15). В первой половине V в. гарнитуры 1 типа господствуют: они зафиксированы в 13 из 16 известных женских погребений этого времени. В типологическом составе застежек преобладают дунайские или местные, сделанные по их образцам фибулы: двупластинчатые (рис. 15, 38, 44, 46, 52, 55, 56) и прогнутые со сплошным приемником (рис. 15, 35, 37). Одновременно в Юго-Западном Крыму носят бытовавшие в этом регионе и ранее прогнутые подвязные фибулы (рис. 15, 8, 20, 25, 34), используют типичные для восточного ареала черняховской культуры двупластинчатые фибулы (рис. 15, 39) и производившиеся, вероятно, на Боспоре круглые фибулы-броши с каменными вставками (рис. 15, 1, 5, 6).

Гарнитуры первой половины V в. содержали как одну, так и две фибулы. Преобладают наборы с одной фибулой – их 10 из 13. Одиночные двупластинчатые фибулы носили на левом плече, головкой вниз (Скалистое, склеп 421, погребения 2 и 4; Лучистое, склеп 100, погребение 12). В Лучистом, в женских погребениях из склепов 126 и 174 около правого плечевого сустава зачищено по одной застежке. Прогнутая

подвязная фибула из склепа 55 и фибула со сплошным приемником из склепа 156 этого же некрополя лежали в захоронениях на нижних позвонках.

Застегивание одежды одной фибулой на груди или у плеча – традиция, характерная для сармато-аланского костюма. По одной фибуле в области груди, около левого или правого плеча зафиксировано во многих женских сарматских погребениях первых веков н.э. из Нижнего Поволжья [158, с. 368, 378, 498, рис. 62, 2-5; 159, с. 58, рис. 2, 2], I-II вв. н.э. из южной части степей Северного Причерноморья [160, с. 33, 39, 42-43, 55, 64, 92]. По одной фибуле для застегивания на груди накидки найдено и в богатых погребениях сарматов I в. из Соколовой Могилы и из кургана у с. Пороги [128, с. 28, рис. 18, 8; 129, с. 170-173, рис. 2]. В одежде, скрепленной на груди или у правого плеча одной фибулой, хоронили женщин и аланы Северного Кавказа в I-III вв. [113, с. 157]. Как правило, одной фибулой на левом плече, а иногда на груди скальвали одежду представительницы позднескифского сарматизированного сельского населения Юго-Западного Крыма первых веков н.э. [80, с. 34-35; 161, с. 29, 30, 32; рис. 1, 2; 3, 4; 9, 8]. По одной фибуле в области груди или на костях левого предплечья зафиксировано и в женских погребениях второй половины III – IV вв. из аланских могильников Дружное и Нейзац [79, с. 108, рис. 58; 61; 81, рис. 1, 5, 19; 86, с. 529, рис. 1, 13; 94, с. 509, рис. 13, 6; 162, с. 232, рис. 1, II, 8; 163, с. 243, рис. 2, 13].

В первой половине V в. в женском костюме варваров Юго-Западного Крыма появляются две фибулы. Гарнитуры с двумя фибулами зафиксированы в трех комплексах этого времени. В Лучистом, в склепе 58 в пару были объединены дунайские фибулы: бронзовая со сплошным приемником и серебряная двупластинчатая варианта 21/IIAA [11, с. 299, рис. 8, 3, 17, 18; 13, 12]. В Скалистом, из захоронения 1 в склепе 421 извлекли две подвязные фибулы вариантов 16-2/II-3 и 16-2/III-1, а из детского погребения 4 в склепе 485 – две двупластинчатые фибулы варианта 21/IBA, отличающиеся декором [8, с. 101, 122]. Названные фибулы лежали в погребениях головками вниз в верхней части грудной клетки или на костях рук.

Обычай носить пару одинаковых фибул на плечах связан с древнегерманскими традициями эпохи переселения народов. Парными фибулами (часто – двупластинчатыми) в IV в. застегивали одежду на плечах носительницы черняховской культуры [10, с. 20; 107, с. 76]. По мнению М. Темпельманн-Мачинской, черняховский костюм с двумя одинаковыми фибулами берет свое начало в вельбарской германской культуре [164, S. 135].

В первой половине V в. парные двупластинчатые фибулы были характерны не только для этнографического костюма восточных германцев. В этот период под влиянием восточногерманских традиций в Среднем Подунавье парные двупластинчатые фибулы становятся частью парадного убора знатных женщин из подвластных гуннам племен: жен гуннских военачальников или союзных князей, приближенных к Аттиле [7, с. 91]. Следуя моде, сложившейся у варваров гуннского союза, жены перешедших на римскую службу алан также используют двупластинчатые парные фибулы (Эран и Хохфельден) [138, с. 83-85]. Характерная для восточногерманского костюма мода на застегивание верхней одежды парными двупластинчатыми фибулами распространяется и среди греко-аланского населения Пантикапея и Илурата [12, с. 96-97, табл. 48, 222; 53, 284; 55, 303], у алан сельской округи Европейского Боспора (Заморское, Сьюрташ, Сиреневая Бухта) и Танаиса [46,

рис. 12, 14, 16; 74, с. 153]. На Боспоре в первой половине V в. начинается местное производство двупластинчатых фибул. В Пантикапее ювелиры, обслуживающие знать, производили небольшие копии парных инкрустированных и гладких дунайских фибул [7, с. 91]. Такие же гладкие серебряные парные фибулы носили и богатые представительницы аланского населения Танаиса. В сельской округе Боспора возникла серия более дешевых подражаний: эти фибулы делались из тонкой пластины, часто из бронзы. Они не имеют четких форм, у них полукруглая, овальная или многоугольная головка и овальная, вытянутая ножка.

В Юго-Западном Крыму с влиянием черняховской культуры или контактами с ее населением можно связать лишь два гарнитура из склепа 421 могильника Скалистое. При этом: в детском погребении 2 из этого склепа черняховская двупластинчатая фибула использована в единственном экземпляре, что соответствует местной аланской моде, а в захоронении 1 в пару с черняховской прогнутой фибулой объединили привезенную из юго-восточной Прибалтики застежку. Появившиеся в Юго-Западном Крыму в первой половине V в. дунайские двупластинчатые фибулы, в большинстве носят в соответствии с аланской традицией – по одной на левой стороне груди. Местное население по-своему воспринимает свойственный для Среднего Подунавья обычай ношения парными двупластинчатые фибулы: в пары объединяются две разные, либо однотипные, но отличающиеся размерами и декором плечевые застежки. Отметим, что в Юго-Западном Крыму, в отличие от Подунавья и Боспора, где двупластинчатые фибулы не только носили, но и производили парами, застежки этого типа изготавливали по одной. Здесь пока не найдено парных фибул. Двупластинчатые фибулы делали под местный аланский костюм – маленькими и по одной.

Гарнитуры с фибулами характеризуются особым набором украшений. В 5 из 13 погребений с фибулами зафиксированы браслеты. В первой половине V в. в наборе с фибулами жительницы Юго-Западного Крыма носили браслеты 1-4 типов по одному на правой (Лучистое, склеп 100; Скалистое, склеп 485) или левой (Скалистое, склеп 421) руке. Эта черта свойственна и для женского костюма варваров Юго-Западного Крыма в римское время. Как правило, по одному браслету носили представительницы позднескифского сарматизированного населения в первые века н.э. [80, с. 39; 165, с. 24] и аланских племен во второй четверти III – IV вв. (Черная речка: могилы 10/36, 18/48, 36/86 [42, с. 100, 104, 111]; Дружное: могилы 2, 20; склеп 18 [44, с. 129, рис. 26, 1; 81, с. 166, 174, рис. 1, 21; 162, с. 121, рис. 6, 1]; Суворово: могилы 20, 24 [79, с. 108-109]). В некоторых погребениях римского времени фиксируются по 2-4 браслета, однако все они разнотипные [42, с. 106; 80, с. 39; 81, с. 177, рис. 4, 4,6].

В гарнитурах с фибулами отсутствуют серьги с 14-гранником, зато часты простые проволочные серьги 1 типа, носившиеся по одной в левом ухе. Серьги-калачики 2 типа всегда парные. В состав богатых наборов с фибулами входят боспорские золотые серьги 3 типа, также носившиеся парой. В гарнитурах с фибулами часто присутствуют боспорские изделия. Два богатых гарнитура с фибулами, происходящие из могилы 82 и склепа 126 могильника Лучистое, вероятно, полностью привезены из Боспора. Составляющие диадему нашивные золотые бляшки и украшенные в едином стиле пара серег и перстень из могилы 82 сделаны в мастерских Боспорского царства. Золотые серьги и фибула-брошь из склепа 126 (рис. 16, 1-3) идентичны украшениям, извлеченным

из погребения 9, склепа 154 боспорского некрополя [12, с. 77-78, кат. 243-246]. В обоих случаях фибула-брошь лежала на правой плечевой кости погребенной. О контактах с Боспорским царством свидетельствуют и находки привозных боспорских пиксид.

Ожерелья из гарнитуров 1 типа образованы стеклянными шаровидными и 14-гранными бусинами или мелкими коралловыми пронизями. Крупными стеклянными, янтарными и сердоликовыми бусинами украшали фибулы. Для этого же применялись "шумящие" металлические подвески: колокольчики, трубочки и трапециевидные пластины. Именно в гарнитурах с фибулами найдены пряслица, которые иногда использовали в качестве украшений, а также характерные для алан Северного Кавказа зеркала с ячеистым орнаментом 1 типа.

В гарнитурах 1 типа нет пряжек. Для женского костюма варварского населения Юго-Западного Крыма пряжка не была характерна и в позднеримское время. Поясные пряжки зафиксированы только в двух женских погребениях второй половины III в. из Дружного [81, с. 165, 166]. Пряжки отсутствуют и в комплексах с фибулами первой половины V в. из сельской округи Боспора (Заморское, Сюурташ, Силеневая Бухта) и Танаиса. В Керченском некрополе только 3 из 8 известных погребений с фибулами этого времени сопровождалась поясными застежками. Пряжки присутствовали в захоронениях боспорской знати, подражавшей в стиле одежды верхушке гуннского союза [1, с. 79-80].

В описанных гарнитурах 1 типа первой половины V в. отчетливее всего выделяется аланский компонент. Свойственные этим гарнитурам черты – отсутствие пряжек, преобладание наборов с одной фибулой, использование одного браслета – свойственны и костюму аланского населения Юго-Западного Крыма позднеримского времени. Украшение одежды золотыми нашивными бляшками, присутствие серег 3 типа, фибул-брошей и пиксид свидетельствуют о контактах варварского населения Юго-Западного Крыма с Боспорским царством и о влиянии боспорской аланской моды на костюм местного населения. Наличие в гарнитурах зеркал с ячеистым орнаментом типа 1-2 наглядно демонстрирует существование связей между населением Юго-Западного Крыма и аланами Северного Кавказа.

Германский элемент в гарнитурах 1 типа выражен присутствием типичных для черняховской культуры фибул и подвесок из кости и металла.

Влияние дунайской моды проявилось в распространении характерных для этого региона прогнутых и двупластинчатых фибул, а также в способе их ношения по две.

Сочетание разных традиций в гарнитурах с фибулами первой половины V в. наглядно иллюстрирует набор женских аксессуаров, помещенный в могилу 168 в качестве дара жены умершему. В нем объединены боспорская пиксида, северокавказское аланское зеркало, дунайская двупластинчатая фибула, представленная, в соответствии с аланской традицией, единичным экземпляром и два набора украшений: один – аланский, второй – с типичными для балтов и известными у германцев шумящими подвесками.

Гарнитуры 2 типа с пряжкой фиксируются по находкам из могильников Черная Речка, Сахарная Головка, Скалистое, Лучистое и некрополя Херсонеса (рис. 17-19). В первой половине V в. гарнитуры с пряжками единичны, тогда как во второй половине V – первой половине VI в. их число, как и типологическое разнообразие пряжек увеличивается.

До V в. пояс с пряжкой не был характерен для женского костюма варваров Юго-

Западного Крыма. В IV в. пряжки являются составной частью костюма германских женщин. Пряжки зафиксированы в женских погребениях пшеворской и вельбарской культур [164, S. 65, 77]. Маленькую поясную пряжку вместе с парными фибулами включал в себя женский костюм черняховской культуры [107, с. 76; 166, с. 39]. Во второй половине IV в. в женском германском костюме наблюдается тенденция к увеличению размеров поясных застежек: распространяются пряжки с овальной рамкой и щитком со штемпельным орнаментом [15, S. 70, Турен 43,44]. В первой половине V в. большая пряжка становится неотъемлемым компонентом женского парадного убора с двумя двупластинчатыми фибулами у варваров гуннского союза в Среднем Подунавье. С варварским женским парадным костюмом связаны находки больших пряжек из Эрана, Качина и Замосци. Массивные серебряные варварские пряжки первой половины V в. богато украшались и предназначались для широкого ремня. Эти пряжки сделаны в традициях западного провинциально-римского ремесла и, возможно, часть их – римскими ремесленниками [18, с. 240]. Вероятно, увеличением размеров пряжек и их богатым убранством варварская знать подражала римской аристократии. Судя по иконографическим данным, знатные римлянки подвязывали одежду широким, пышно декорированным поясом с крупной застежкой [167, р. 239, 242-243, fig. 10, 1,3]. По мнению Н.П.Кондакова, начиная с IV в. широкий пояс в женской одежде становится знаком принадлежности к высшему сословию [168, с. 183].

Появление в первой половине V в. в Юго-Западном Крыму пояса с пряжкой в женском костюме явно связано с влиянием моды, сложившейся в среде варваров гуннского союза в Среднем Подунавье. Большинство женских пряжек этого времени относятся к широкому поясу и привезены из Подунавья, либо имеют прототипы в названном регионе. Пряжки из Юго-Западного Крыма, в основном, представлены дунайской продукцией массового производства, предназначавшейся для рядового населения. Лишь найденная близ Ялты богато орнаментированная германская пряжка принадлежала знатной женщине и, вероятно, была выполнена по индивидуальному заказу.

В типологическом составе пряжек второй половины V в. также преобладают привезенные из Подунавья или сделанные по их образцам экземпляры. В этот период в Юго-Западном Крыму женщины застегивали пояса распространенными у остготов и гепидов пряжками с круглой или В-образной рамкой. Для производства больших пряжек в Юго-Западном Крыму в конце V – первой половине VI в. большое значение имело ювелирное искусство переселившихся в Италию остготов и живших на Среднем Дунае гепидов. В Юго-Западном Крыму есть и привезенные из названных регионов пряжки, и их местные копии. Прототипами больших женских пряжек этого времени послужили поздние образцы широких поясов римских солдат [41, с. 50]. Найденная в Сахарной Головке пряжка с инкрустацией первой половины VI в. типична для древностей франков и аламанов и свидетельствует о контактах жителей Юго-Западного Крыма с дальним, западным варварским миром. Со второй половины V в. наряду с варварскими, большими пряжками в Юго-Западном Крыму бытовали и так называемые малые византийские застежки. Большие варварские пряжки были принадлежностью исключительно женского костюма, тогда как малые византийские застежки носили и мужчины, и женщины.

Во второй половине V в. в Юго-Западном Крыму в гарнитуре с пряжкой начинают использовать фибулы. Полные гарнитуры – с фибулами и пряжкой выявлены только в

двух комплексах второй половины V в. из варварских могильников Сахарная Головка (рис. 18, 1-4) и Скалистое (рис. 18, 5-8) и в двух погребениях первой половины VI в. из некрополя Херсонеса (рис. 19). Возможно, это связано с тем, что древности этого времени Юго-Западного Крыма пока представлены очень невыразительно. Но даже эти немногочисленные примеры показывают, что свойственный варварам Юго-Западного Крыма во второй половине VI – VII вв. обычай использования в одном наборе пары фибул и большой пряжки начинает складываться в этом регионе со второй половины V в. Мода на ношение в женском костюме пары больших фибул на плечах и широкого пояса с пряжкой на талии возникает в первой половине V в. в Среднем Подунавье, в разноплеменной среде гуннского союза. В VI в. она сохраняется только у остготов, вестготов и готов Крыма.

Присутствующие в гарнитурах с пряжкой в Юго-Западном Крыму во второй половине V в. фибулы – двупластинчатые с кербшнитным декором и прогнутые с завитком на завершении приемника – характерны для дунайских остготов. Из Подунавья во второй половине V в. привозили германские пальчатые фибулы с концентрическими ромбами на ножке и броши в форме цикад, а в первой половине VI в. в Херсонесе наладили местное производство застежек этого типа. Во второй половине V – первой половине VI вв. фибулы носили парами, что соответствовало германской моде, и использовали по одной или по две разных типов застежки, продолжая характерные для аланского костюма первой половины V в. традиции.

В состав гарнитуров с пряжкой 2 типа входят возникшие на рубеже IV-V вв. в провинциях Среднего Подунавья украшения – серьги с 14-гранником и браслеты с насечками на концах. Браслеты зафиксированы в 4 из 6 захоронений с пряжками. В отличие от гарнитура с фибулами, в наборе с пряжкой использовали исключительно парные браслеты – по одному на каждую руку. Мода на ношение парных браслетов распространяется в Юго-Западном Крыму в первой половине V в. вместе с появившимися из Подунавья браслетами 5 и 6 типов. Во второй половине V в. парными носили и браслеты 4 типа. В гарнитурах с пряжкой присутствуют только серьги с 14-гранником, которые, независимо от разновидности, делали исключительно парными и носили по одной в каждом ухе.

Ожерелья из гарнитуров 2 типа образованы стеклянным бисером, либо набраны из чередующихся вытянутых янтарных бусин и бисера. Иногда в них используют металлические подвески. Крупные бусы не свойственны гарнитурам с пряжкой. В состав набора с пряжкой второй половины V в. из Черной Речки входили распространенные на Боспоре золотые пронизи, которыми вместе с мелким стеклянным бисером была обшита горловина платья.

Гарнитуры с пряжкой 2 типа появляются в Юго-Западном Крыму в первой половине V в. под влиянием моды, сложившейся у варваров гуннского союза в Среднем Подунавье. Во второй половине V – первой половине VI вв. в этих гарнитурах наиболее отчетливо проявляется германский компонент. Большинство пряжек, фибул и украшений из крымских гарнитуров, а также способ ношения металлических аксессуаров свойственны костюму остготов в момент их проживания в Подунавье и после переселения в Италию. Наряду с этим, в некоторых гарнитурах с пряжками отмечаются черты, характерные и для аланского костюма – использование нашивных золотых

пронизей для украшения головного убора, а также применение одной или двух разнотипных фибул для скрепления верхней одежды. В гарнитурах 2 типа со второй половины V в. фиксируются и элементы византийской моды, выразившиеся в присутствии отдельных типов пряжек.

Фасон одежды. Варвары Юго-Западного Крыма шили одежду из домотканой материи. Наличие в погребениях пряслиц – грузиков для веретен, свидетельствует о производстве пряжи, а вместе с тем и о ткацком деле, для которого выделка пряжи была необходимой подготовительной стадией [169, с. 396]. Видимо, прядение было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности, им занимались почти в каждой семье – пряслица присутствуют во многих погребальных сооружениях этого времени. С эпохи античности в Северном Причерноморье отдавали предпочтение шерстяным тканям. Сырья для их изготовления было достаточно, поскольку овец разводили повсеместно. В древности шерстью обеспечивался не только местный рынок, но она являлась и предметом экспорта [170, с. 87]. Судя по остеологическому материалу из могильников, население Юго-Западного Крыма занималось овцеводством и в эпоху раннего средневековья [1, с. 82]. В двух погребениях первой половины V в. из керченского склепа 154 сохранились обрывки гофрированной ткани коричневого цвета из шерстяной материи сложного плетения в виде ромбов и фрагмент коричневой шерстяной материи простого полотняного плетения [12, с. 75, 78, кат. 226, 248]. Из шерстяной материи в позднееримское время шили одежду и жители окрестностей Херсонеса. По наблюдениям Т.М.Крупы, шерсть эта была низкого качества, что подтверждается и свидетельствами древних авторов об отсутствии тонкорунных овец в Понте [171, с. 119]. Остатки шерстяной ткани обнаружены в могиле 18 из Черной Речки [42, с. 96]. На Боспоре в римское время также использовали льняные ткани [170, с. 87, 97, кат. 33]. Однако не известно, были они привозными или местными. О возделывании в древности в Крыму льна для тканей никаких письменных данных нет. Опираясь на сообщение Геродота о выращивании в Скифии конопли, можно предположить, что в Северном Причерноморье производили конопляные ткани подобно тому, как это делали во Фракии [169, с. 396; 170, с. 87]. В позднееримском могильнике Килен-Балка из округа Херсонеса зафиксированы остатки текстиля растительного происхождения, а также смешенные ткани из растительных и шерстяных волокон [171, с. 115, 116, табл. 2]. В Херсонесе и его округе в римское время носили одежду из привозных тканей: натурального шелка и шелковой парчи [171, с. 119]. Однако, приобретать такие дорогие ткани имели возможность лишь зажиточные жительницы города [172, с. 59].

Текстильные остатки крайне редки и фрагментарны в раннесредневековых погребениях из Юго-Западного Крыма, поэтому восстановить полностью фасон одежды невозможно. Для его реконструкции важны погребения гуннского времени из Керчи, Танаиса, Центральной и Западной Европы, содержавшие металлические аксессуары, характерные и для костюма жительниц Юго-Западного Крыма. Особый интерес представляют захоронения с зафиксированными *in situ* нашивными бляшками, расположение которых показывает края одежды и передают ее контур.

В открытой в 1964 г. в Хохфельдене (восточная Франция) могиле первой половины V в. зачищено погребение богатой женщины 50-70 лет [148, р. 75, 77, 86]. По наблюдению антропологов, при жизни она часто занималась верховой ездой [148, р. 86]. В захоронении

выявлены: по обе стороны от черепа – по золотой серьге с гладким многогранником (рис. 20, 1), в области шеи – золотое кольцо (рис. 20, 2), вдоль плечевых костей – лежащие головкой вниз двупластинчатые фибулы (рис. 20, 3, 4), под позвонками – бронзовое зеркало (рис. 20, 8) [173, р. 66-67]. Помимо этого, на ключицах, локтевых суставах и костях запястий зачищены нашивные бляшки, штампованные из золотой фольги (рис. 20, 5-7). В области шеи и на кистях лежали 82 круглые бляшки, а вокруг локтевых суставов – 18 S-видных и 20 овальных [173, р. 70]. Нашивные бляшки свидетельствуют о присутствии двух типов одежды: платья с длинными рукавами, полукруглый ворот и край рукавов которого были обшиты круглыми бляшками, и накидки с короткими рукавами, украшенными по краю S-видными и овальными бляшками (рис. 21). Лежавшие у плеч двупластинчатые фибулы не могли относиться к платью, поскольку ворот его, как на это указывает золотая обшивка, был закрытым. Видимо фибулы застегивали верхнюю распашную одежду – накидку с короткими рукавами [67, S. 75-76, Abb. 10, 1].

В одежде такого же типа похоронили богатую женщину из Эрана (Нижняя Нормандия). Открытое в 1874 г. захоронение первой половины V в. содержало 160 нашивных золотых бляшек, представленных пятью типами. Все они располагались в верхней части грудной клетки, занимая пространство между большими двупластинчатыми фибулами [139, р. 432]. По мнению К.Пиле, бляшки составляли полукруглую обшивку закрытой горловины платья [139, р. 424, 426, fig. 5; 7].

Накладная одежда – платье с узкими, длинными рукавами до запястья и глухим воротом – фиксируется в это же время и на Боспоре. По наблюдениям В.В.Шкорпила, боспорянок хоронили в длинных одеждах [174, с. 43-44]. Платье погребенной на краю центральной лежанки в склепе 165 было расшито 55 круглыми золотыми бляшками. Ряд этих бляшек тянулся вокруг всей шеи костяка, а на рукавах они лежали кучками, поскольку были нашиты отдельными группами [174, с. 48]. О закрытом платье свидетельствуют и обшивки полукруглого ворота из танаисских погребений 295 и 3/1990 первой половины V в. Отметим, что в обоих захоронениях присутствуют фибулы – парные двупластинчатые или одиночная прогнутая подвязная. Вероятно и в Танаисе поверх закрытого платья женщины носили пристегивавшуюся фибулами распашную верхнюю одежду.

Тип женской одежды из названных памятников эпохи великого переселения народов традиционен для сармато-аланского мира. В богатых сарматских погребениях I в. н.э. из Северо-Западного Причерноморья (Соколова Могила и у с. Пороги) по расположению нашивных бляшек исследователи фиксируют остатки длинного платья с узкими, длинными рукавами до запястья и носившейся поверх него накидки с широкими рукавами до середины предплечья [128, с. 55; 129, с. 169]. Широкий ворот накидки также украшался золотыми бляшками и скреплялся на груди фибулой [128, с. 55; 129, с. 172-173; 130, с. 225, мал. 6]. Фибулой сарматки скрепляли на груди верхнюю одежду типа накидки с широкими рукавами, фасон которой реконструируется по расположению обшивавших ее края бляшек и фрагментов ткани в погребениях [128, с. 28, 55, рис. 18, 3, 6; 29; 129, с. 170-173]. Одевавшаяся поверх платья накидка, застегнутая фибулой на груди, характерна для женского костюма сарматизированного населения Юго-Западного Крыма в первые века н.э. [80, с. 35]. На некрополе Дружное, в могиле 24 второй половины III в. в таком же одеянии похоронена знатная аланка. Рукава ее накидки, доходившие до локтей, были украшены крупными бусинами из стекла и египетского фаянса [86, с. 540, рис. 1, 9, 14].

В первой половине V в. в среде разноплеменной верхушки гуннского союза в Среднем Подунавье складывается новая мода. Характерную для сармато-аланского мира верхнюю распашную одежду начинают застегивать типичными для восточногерманского костюма парными застежками, а платье подвязывают широким ремнем с большой пряжкой.

Реконструируя фасон одежды варваров Юго-Западного Крыма, следует говорить о присутствии двух видов наплечной одежды – распашной и накладной. Накладная одежда представляла собой длинное платье с глухим полукруглым воротом и узкими, длинными рукавами, доходившими до запястий. Распашная одежда – верхнее одеяние, имела вид накидки с широкими рукавами до середины предплечья. Ее скалывали одной застежкой на груди (рис. 16, 8), левом или правом плече, либо пристегивали к платью двумя фибулами на груди (рис. 22). В Лучистом в захоронениях из склепов 55 и 156 выявлено по одной фибуле, лежавшей горизонтально на нижних позвонках (рис. 23, I, 2). В данном случае, в качестве верхней одежды могли использовать сделанную из прямоугольного куска ткани накидку без рукавов, покрывавшую плечи и руки и скреплявшуюся в области талии фибулой (рис. 23, III). Именно в таких накидках, считающихся элементом местной одежды, изображены богини-матроны на жертвенных алтарях, распространенных у германцев в Порейне во второй половине II – середине III в. (рис. 23, II) [164, S. 109-110; Foto 2; 175, с. 73, 145-146, кат. 211, рис. 108-109]. Возможно, подобный тип одежды появился у германцев под влиянием римской моды [176, p. 13].

Женская одежда подпоясывалась. В первой половине V в. отдавали предпочтение поясу без пряжки. О его присутствии в костюме этого времени свидетельствуют находки ножей в женских захоронениях, которые обычно лежат на уровне талии. Ножи подвешивались к поясу или заправлялись за него. Иногда к поясу прикрепляли и небольшую сумочку с туалетными принадлежностями – зеркалом и пиксидой с румянами и белилами. Одновременно в моду входит и ремень с пряжкой, ставший в последующий период основным элементом женской одежды. Судя по находке пряжки близ Ялты, уже в первой половине V в. в Юго-Западном Крыму носили широкий пояс. Как отмечалось выше, тенденция к сильному увеличению женских аксессуаров появилась в первой половине V в. среди варварской знати Подунавья. Из-за отсутствия тканых остатков в погребениях, невозможно определить как повязывался ремень с пряжкой – на накидку или поверх платья. Возможно, что первоначально в костюме с поясом и пряжкой вообще не использовали накидку – во многих гарнитурах с пряжкой нет фибул.

Женщины застегивали ремень также как и мужчины – справа налево. В Лучистом, в женских погребениях пряжки лежали так же, как и застежки в мужских погребениях – острием язычка влево. Иначе – кольцом вправо, располагалась пряжка в погребении девочки из склепа 75 (рис. 24, 3). Возможно, в детском костюме пояс застегивался слева направо. У бесщитковых пряжек ремень крепился на тыльной стороне рамки, а у пряжек со щитком – вставлялся между его верхней и нижней пластинами [9, с. 203, 215, рис. 1, 1,2,4,5]. В овальных щитках небольших пряжек ремень закреплялся при помощи размещенной по центру заклепки. Девятью заклепками с декоративными шляпками, расположенными по контуру щитка, массивная пряжка из Ялты фиксировалась на широком (около 6 см) ремне. У пряжек первой половины VI в. верхняя и нижняя пластины прямоугольного щитка, со вставленным внутрь ремнем

скреплялись четырьмя, размещенными по углам щитка, заклепками или гвоздиками с полусферическими шляпками.

Детский костюм. На сегодняшний день известно лишь четыре детских захоронения, в которых содержались металлические детали костюма и украшения. Все они относятся к первой половине V в. и выявлены на территории могильников Скалистое и Лучистое. Ограниченность данных не позволяет детально рассмотреть детский костюм интересующего нас времени и проследить его изменения. Вероятно, девочек одевали так же, как и взрослых женщин. Все типы выявленных в женских погребениях гарнитуров известны и в детских захоронениях. В детских наборах отсутствуют туалетные принадлежности и глиняные пряслица, зато встречаются амулеты и различные “шумящие” подвески. Последние, при этом, в женских погребениях представлены единичными экземплярами, а в детских захоронениях встречаются наборами из нескольких штук. Детский браслет из склепа 421 могильника Скалистое переделан из аналогичного украшения взрослого человека (рис. 6, 3). Для этого корпус браслета укоротили и повторно скрутили уже по размеру детской руки.

В детском погребении из Лучистого, из склепа 75 обнаружены серебряные пряжка, серьги и маленького диаметра браслеты, образующие единый гарнитур, сделанный специально для ребенка (рис. 24). В Скалистом, в детском захоронении из склепа 485 лежали две двупластинчатые фибулы (рис. 15, 55, 56). В Юго-Западном Крыму это единственный случай использования двух фибул этого типа в одном наборе. В Среднем Подунавье пара двупластинчатых фибул была принадлежностью парадного убора знатных женщин. Греческий историк Евнапий, описывая переправу через Дунай готов, бежавших со своими семьями от преследования гуннов в 376 г., фиксирует факт украшения детской одежды простого населения княжескими знаками отличия [168, с. 227].

В целом, характеризуя женский костюм V – первой половины VI в. варваров Юго-Западного Крыма, можно отметить следующее. В первой половине V в. женская одежда имеет ярко выраженный “аланский” облик. Для нее характерна преемственность с костюмом аланского населения Юго-Западного Крыма позднеримского времени. В первой половине V в. преобладают гарнитур с фибулами, включающие типичные для аланского мира аксессуары. В одежде не носят пряжек и употребляют одну фибулу для застегивания накидки на плече или в области груди. В соответствии с аланской модой одежду украшают нашивными бляшками, а в качестве туалетных принадлежностей используют северокавказские аланские зеркала.

Одновременно в женском костюме прослеживаются элементы моды, сложившейся в Подунавье, у варваров гуннского союза. В аланском костюме стали использоваться дунайские двупластинчатые и прогнутые фибулы, иногда носившиеся в соответствии с новой модой – по две на плечах. Однако, в Юго-Западном Крыму пока не известны парные двупластинчатые фибулы первой половины V в. В этот период появляется и совершенно новый тип одежды, главным компонентом которой становится пояс, часто широкий, с пряжкой. В состав отражающих новую моду гарнитуров с пряжкой входят возникшие в римских провинциях Подунавья украшения: парные серьги с 14-гранником и браслеты с насечками.

В женском костюме первой половины V в. из Юго-Западного Крыма преобладают дунайские фибулы и украшения, характерные не для верхушки гуннского союза, а для

его рядовых представителей. Здесь нет типичных для погребений типа Унтерзибенбрунн больших двупластинчатых инкрустированных или гладких фибул, золотых шейных украшений, серег и браслетов. Элементом “княжеской” дунайской моды можно считать найденную близ Ялты большую пряжку [1, с. 81]. Она сделана из высокопробного серебра и весит 288,3 гр. [16, с. 271]. Привезенная из Боспора лучистинская диадема украшена центральной круглой бляхой, которая в соответствии с новой дунайской модой выполнена в гуннском инкрустационном стиле. В первой половине V в. население Юго-Западного Крыма имело широкие торговые связи с Боспором, который поставлял украшения и туалетные принадлежности (пиксиды и косметику). Почти все происходящие из Юго-Западного Крыма золотые украшения (серьги, фибулы-броши, нашивные бляшки) этого времени сделаны в мастерских Боспорского царства и характерны для костюма боспорской знати. Таким образом, в Юго-Западном Крыму в первой половине V в. выявляется прослойка населения, вероятно, зажиточного (в Лучистом из могилы 82 извлечено золотых изделий общей массой 50 гр.), представительницы которого носят украшения боспорской знати. Не ясен социальный статус этих людей. В Алмалык-Дере и Лучистом женщины с золотыми боспорскими украшениями были похоронены в одних склепах с другими, судя по инвентарю, более бедными представителями рода. В Лучистом, в отдельной могиле захоронили женщину с диадемой. В склепе 88 этого же некрополя золотые серьги лежали в углу камеры, куда они были помещены, вероятно, в качестве дара жены одному из захороненных здесь воинов [11, с. 302, рис. 15, 30]. Воинский инвентарь сопровождал золотые женские украшения и в склепе 65 могильника Алмалык-Дере [36, S. 534, Abb. 10]. Вероятно, носившие богатые украшения женщины были женами воинов.

В женском костюме первой половины V в. из Юго-Западного Крыма трудно выделить германский компонент. Черняховские фибулы здесь немногочисленны и зафиксированы в характерных для аланского костюма гарнитурах. Поселившиеся во второй половине III в. в Юго-Западном Крыму германцы вплоть до середины V в. хоронили своих умерших по обряду кремации [177, с. 244, 246], что не позволяет реконструировать костюм этого народа. Двупластинчатые фибулы, бывшие в IV в. принадлежностью восточногерманского костюма, в первой половине V в. носили многие народы. Германской можно считать лишь пряжку, найденную близ Ялты. Ситуация меняется во второй половине V в., когда в женских погребениях исчезают гарнитуры с фибулами 1 типа и фиксируются только гарнитуры с пряжкой 2 типа, в которых наиболее ярко выражен германский компонент. Многие детали костюма этого времени заимствованы у остроготовов, оставшихся в Подунавье после распада гуннской державы и ухода гуннов. Судя по женскому костюму, во второй половине V в. варвары Юго-Западного Крыма не сильно отличались от остроготовов Подунавья. Отметим, что Прокопий Кесарийский считал готов страны Дори подданными остроготского короля Теодориха до того времени, пока он не направился в Италию [1, с. 226; 2, с. 224, III. VII. 13]. В женском костюме варваров Юго-Западного Крыма конца V – первой половины VI вв. присутствуют вещи, свидетельствующие о контактах местного населения и с другими германскими племенами: с гепидами из Подунавья и жившими далеко на западе франками и аламанам. Несмотря на преобладание германских черт, в костюме второй половины V – первой половины VI вв. сохраняются и традиционные для аланской одежды черты (присутствие золотых нашивных бляшек, использование одной фибулы).

Следует отметить, что во второй половине V – первой половине VI вв. в распространении германской моды в Юго-Западном Крыму большую роль играл Херсонес. Херсонесские ремесленники по привозным образцам из Подунавья освоили производство фибул-брошей в форме цикад, двупластинчатых фибул с кербшнитным декором и пальчатых фибул с концентрическими ромбами на ножке. На территории Херсонеса найдены двупластинчатые фибулы типа Вышков-Херсонес (по И.Гавритухину) с многоугольными головкой и ножкой, которые, как и застёжки с кербшнитной резьбой, были распространены во второй половине V в. среди рядовых представителей остготского объединения в Подунавье [1, с. 189, рис. 10, 2,4,8; 178, с. 281-283, 290, рис. 6, 35,45,57]. Фибулы типа Вышков-Херсонес могли стать одним из прототипов для больших двупластинчатых застёжек, массовое производство которых возникло в середине VI в. в Юго-Западном Крыму. В первой половине VI в. именно в Херсонесе стали делать распространившиеся впоследствии в Юго-Западном Крыму большие пряжки с прямоугольным щитком с геометрическим декором варианта 1-1. В херсонесском некрополе найдены и оригинальная, привезенная из Италии пряжка этого типа и более поздняя ее копия со штампованным орнаментом. Пока только в Херсонесе, в погребении первой половины VI в. из склепа 14/1914 г. обнаружен самый ранний образец полного гарнитура с большой пряжкой и парой фибул. Находки в погребениях херсонесского некрополя характерных для женского остготского костюма металлических аксессуаров свидетельствуют, вероятно, о существовании в городе общины этого народа. Появление готов в Херсонесе может быть связано с декретом Гонория, фрагмент надписи которого был найден в 1914 г. на городище, подтверждавшего предоставленное прежде Феодосием право приплывать в город [179, с. 138-139]. По мнению В.А.Сидоренко, названный декрет отражает постановление, согласно которому готам были предоставлены права расселения у восточных границ Византии [179, с. 138-139]. Присутствие готов в Херсонесе косвенно подтверждают данные эпиграфики. Надпись VI-VII вв. на закладной плите склепа, высеченного во рву у первой куртины западного участка обороны Херсона упоминает "... раба божьего Гота", чье имя образовано от этнонима готов [1, с. 127; 180, с. 168].

Херсонес способствовал и распространению византийской моды. В первой половине VI в. городские мастера копировали привезенные из Средиземноморья трехчастные литые пряжки 1 и 3 вариантов, которые носили и в Юго-Западном Крыму [1, с. 130].

Сложившийся к середине VI в. в Юго-Западном Крыму женский костюм позволяет говорить о смешанном, готском и аланском населении этого региона. В середине VI в. Прокопий Кесарийский называл всех жителей Юго-Западного Крыма готами [1, с. 111; 2, с. 224, III. VII.13]. Известно, что Прокопий и алан считал одним из готских племен [181, с. 182, BV. I.3.1]. Присутствие алан подтверждается археологическими данными [1, с. 107, 111].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Прокопий Кесарийский. О постройках // Война с готами. О постройках. Перевод с греческого С.П. Кондратьева. М., 1996.
3. Кузнецов И.В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М., 1995.

4. Madou M. Le costume civil // Typologie des sources du Moyen Age occidental. Turnhout, 1986. Fasc. 47.
5. Потехина И.Д., Назарова Т.А. Антропологические материалы из могильников юго-западного Крыма. Препринт. К., 1990.
6. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
7. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II-IV вв. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
8. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К., 1993.
9. Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. К., 1999.
10. Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М., 1992.
11. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
12. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
13. Madyda-Legutko R. The buckles with imprint ornamentation // Wiadomosco Archeologiczne. 1978. T. XLIII-I.
14. Bona I. Das Hunnenreich. Budapest. 1991.
15. Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR International Series 360. Oxford, 1986.
16. Баранов И.А. Раннесредневековая пряжка из Ялты // СА. 1975. № 1.
17. Kiss A. Germanische Funde von Szabadbattyán aus dem 5. Jahrhundert // Alba Regia. Annales Musei Stephani Regis. Szekesfehervar, 1980. T. XVIII.
18. Кухаренко Ю.В. О Качинской находке V в. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
19. Pilet Ch. Un centre de pouvoir: le domaine d'Airan, Calvados (IVe-IXe siècles) // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1995.
20. Tejral J. Neue Aspekte der fruhvolkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // Neue Beitrage zur Erforschung der Spatantike im mittleren Donaauraum. Brno, 1997.
21. Csallány D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u.Z.). Budapest, 1961.
22. Kiss A. Archeologia degli Ostrogoti in Pannonia (456-473) // I Goti. Milano, 1994.
23. Борисова В.В. Могильник у высоты "Сахарная головка" // ХСб. Симферополь, 1959. Вып. V.
24. Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю. Могильник "Баклинский овраг" (по материалам раскопок 1992-1993 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
25. Tejral J. Grabfunde der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // Germanen, Hunnen und Avaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
26. Werner J. Zu den donauländischen Beziehungen des alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterbarmweg in Basel // Helvetia Antiqua. Festschrift Emil Vogt. Zurich, 1966.
27. Périn P. Les tombes de "chefs" du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne. Saint-Germain-en-Laye, 1995. T. IX.
28. Giesler U. Volker am Hochrhein. Das Basler Land im fruhen Mittelalter // Die Alamannen. Stuttgart, 1997.
29. Kidd D., Ager B.-M. Herpes, commune de Courbillac (Charente). Collections du British Museum, Londres // Les Barbares et la Mer. Publication du Musée de Normandie. Caen, Toulouse, 1992.
30. Quast D. Die merowingzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Forschungen und berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Stuttgart, 1993. Bd. 52.
31. Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // Archéologie médiévale. 1994. T. XXIV.
32. Arrhenius B. Childéric et la Méditerranée // Les Francs. Dossiers d'archéologie. Mai, 1997. № 223.

33. Айбабин А.И. Погребения второй половины V – первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. Вып. 158.
34. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
35. Зубарь В.М., Сорочан Б.С. Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV – первой половине VII вв. н.э. // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1997. Вып. VI.
36. Gersen A., Maczynska M. Ein fruhvolkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Graberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // Die spatromische Kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.
37. Айбабин А.И. Склеп эпохи Великого переселения народов на могильнике близ села Лучистое в Крыму // Средневековые древности Евразийских степей. Археология восточноевропейской степи. Воронеж, 2001.
38. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М., 1997.
39. Охонько Н.А., Отыцкий И.В. Богатое захоронение гуннского времени у г. Зеленокумска // СА. 1982. № 4.
40. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.
41. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. – Вып. IV.
42. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. К., 1963. Т. XIII.
43. Веймарн Э.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. 1963. Т. XIII.
44. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
45. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989.
46. Корпусова В.М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. Вип. 8.
47. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1.
48. Kokowski A. Lubelszczyzna w Młodszym okresie Przedrzymskim i w okresie Rzymskim // Lubelskie Materiały Archeologiczne. Lublin, 1991. Т. IV.
49. Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.
50. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
51. Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья – Приазовья. МИА. 1969. № 154.
52. Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // AA. 1988. 72.
53. Казакова Л.М., Каменецкий И.С. Охраняемые раскопки некрополя Танаиса в 1968 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Т. II.
54. Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
55. Амброз А.К. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
56. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. М.-Л., 1959. № 63.
57. Гавритухин И.О. Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари (к изучению восточногерманского культурного наследия) // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4.
58. Heinrich A. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Mitterhof, GB Laa an der Thaya, Niederösterreich // Archaeologia Austriaca. Wien, 1990. N74.
59. Gomolka-Fuchs G. Die Kleinfunde vom 4. Bis 6. Jh. // Iatrus-Krivina. Ergebnisse der Ausgrabungen 1975-1981. 1991. Bd. IV.
60. Gomolka-Fuchs G. Die Kleinfunde und ihre Aussagen zur Bevölkerung von Iatrus // Iatrus-Krivina. Studien zur Geschichte des Kastells Iatrus (Forschungsstand 1989). 1995. Bd. V.
61. Uense S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1992. Bd. 43.
62. Windl H.J. Weitere völkerzanderungszeitliche Gräber aus Schletz, MG Asparn an der Zaya, VB

- Mistelbach, Niederösterreich // Fundberichte aus Österreich. Wien, 1997. Band 35, 1996.
63. Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории "Пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.
 64. Vaday A.H. Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // Antaeus. Communicationes ex Instituto Archaeologico Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1989. N17-18.
 65. Vinski Z. Zikadenschmuck aus Jugoslawien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1957. N. 4.
 66. Kazanski M., Périn P. Les "fibules-mouches" de l'époque des Grandes Migrations découvertes en Gaules // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. Leiden, Boston, Köln, 2000. Vol. 5.
 67. Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto. 1975.
 68. Pilet Ch. La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay // Gallia, supplément n54. Paris, 1994.
 69. Арсеньева Т.М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. МИА. М., 1970. № 155.
 70. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
 71. Джанов А.В., Юрочкин В.Ю. Новый Таракташский клад (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.
 72. Damm I. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1988. Band 21.
 73. Andrasi J. The Bertier-Delagarde collection of Crimean jewellery – difficulties with documentation of an old collection // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. Leiden, Boston, Köln, 2000. Vol. 5.
 74. Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // Древности Босфора. М., 2000. Вып. 3.
 75. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Босфора. М., 1997.
 76. Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376-476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
 77. Horedt K. Die Polyederohrringe des 5. – 6. Jh. u. Z. aus der SR Rumänien // ZfA. 1979. № 13.
 78. Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
 79. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
 80. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с.Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1989. Вып. 70.
 81. Храпунов И.Н., Масыкин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum + ПАВ. СПб., Кишинев, 1997.
 82. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. К., 1982.
 83. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I-III вв.) // СА. 1976. № 4.
 84. Симонович Э.А. Население столицы позднекифского царства. К., 1983.
 85. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994.
 86. Храпунов И.Н. Погребение середины III в.н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
 87. Блаватский В.Д. Харакс // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. 1951. № 19.
 88. Мыц В.Л. Могильник III-IV вв. н.э. на склоне Чатыр-Дара // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987.
 89. Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantina. Bucuresti, 1980.
 90. Stadler P. Ostgermanische Gräber // Germanen, Hunnen und Avaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
 91. Эрдели И. Новый могильник V в. в Кестхей-Фенекпесте // Древности эпохи великого

- переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
92. Quast D. Vom Einzelgrab zum Friedhof. Beginn der Reihengräbersitte im 5. Jahrhundert // Die Alamannen. Stuttgart, 1997.
93. Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. К., 1993.
94. Храпунов И.Н., Мульд С.А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spatromische Kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.
95. Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
96. Menghin W. Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Stuttgart, 1985.
97. Martin M. Schmuck und Tracht der frühen Mittelalters // Frühe Baiern im Straubinger Land, 1995.
98. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12.
99. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1-12.
100. Хайрединова Э.А. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
101. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г1-12.
102. Безуглов С.И. О погребениях V в. в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого 1975 года) // Историко-археологические исследования в Азова и на Нижнем Дону в 1991 году. Азов, 1993. Вып. 11.
103. Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. М., 1995.
104. Бобровская О.В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре. К., 1999.
105. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
106. Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978.
107. Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
108. Магомедов Б.В. Велика Снітинка 2 – поселення гребінників III-IV ст. н.е. // Стародавнє виробництво на території України. К., 1992.
109. Ioniță I. Birlad-Valea Seacă, provincia di Vaslui, Moldavia // I Goti. Milano, 1994.
110. Gallina Z. A gepidák hitvilága // A gepidák. Kora középkori germán királyság az Alföldön. Gyula, 1999.
111. Csen J., Gallina Z., Havassy P., Nepper I., Toth A. Katalogus // A gepidák. Kora középkori germán királyság az Alföldön. Gyula, 1999.
112. Гущина И.И., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
113. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987.
114. Гудкова А.В., Редина Е.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 1999. Т. VII.
115. Schmiedehelm M. Das Graberfeld Gąsior // Archaeologia Baltica. Łódź, 1990. Т. IX.
116. Kazakevičius V. Plinkaigalio kapinyas // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 1993. Т. 10.
117. Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III-VI вв.) // ПАВ. 1993. № 7.
118. Kiss A. Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und des ostrogotische Fundstoff in Pannonien // Chronologische Fragen der Völkerwanderungszeit. Archäologische Konferenz des Komitates Zala und Niederösterreichs IV. Zala Múzeum. 1996. №6.
119. Хайрединова Э.А. Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСБ. Севастополь, 1999. Вып. X.
120. Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала, 1993.
121. Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных // Труды Клин-Ярской экспедиции. М., 2000. Т. I.

122. Гмыря Л.Б. Одевание служителей языческих культов в "стране гуннов" Прикаспия // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. I.
123. Безуглов С.И., Толочко И.В. К характеристике культурных связей Танаиса в эпоху переселения народов (по материалам погребений) // Боспорский феномен: колонизация регионов, формирование полисов, образование государств. СПб., 2001. Ч. 1.
124. Гречанова Л. Раннесредневековое погребение из Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 5.
125. Kuznetsov V. A propos des Alains et des Sarmates en Europe Occidentale à l'époque des Grandes Migrations // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. Leiden, Boston, Köln, 2000. Vol. 5.
126. Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы нижнего Сулака: могильник Львовский Первый – 2. // Материалы и исследования по археологии России. М., 2000. № 2.
127. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1989. Вып. 70.
128. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). К., 1991.
129. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение в Соколовой Могиле (предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. К., 1980.
130. Ковпаненко Г.Т. Сарматська жриця із Соколової Могили // Золото степу. Археологія України. К., Шлезвіг, 1991.
131. Prokhorova T. A. Une princesse sarmate à Kobiakovo // L'or des amazone. Peuples nomades entre Azie et Europe VI siècle av. J.-C. – IV siècle apr. J.-C. Paris, 2001.
132. Гущина И.И. О сарматах в юго-западном Крыму // СА. 1967. № 1.
133. Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
134. Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. СПб., 1992.
135. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
136. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949.
137. Каменецкий И.С., Кропоткин В.В. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3.
138. Кишш А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.
139. Pilet Ch. Témoignages de modes germaniques orientales dans la Lyonnaise Seconde (Normandie actuelle): bilan provisoire // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1-5 centuries A.D. Aszod-Nyiregyhaza, 2001.
140. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.
141. Postovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch // Monuments et mémoires. Paris, 1923. Т. XXVI.
142. Kidd D. Funde aus der Sammlung General Bertie-Delagard, British Museum // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
143. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
144. Незабитовская Б. Коллекция вещей из Керчи и Кавказа в собрании археологического музея во Вроцлаве // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I.
145. Кузнецов В. Новое исследование по истории западноевропейских алан // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995.
146. Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // СА. 1999. № 2.
147. Bernhard-Walcher A. Untersiebenbrunn, BH Gänserndorf // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
148. Alduc-Le Bagousse A., Blondiaux J., Pilet Ch. La dame de Hochfelden // Cahiers Alsaciens

- d'Archeologie d'Art et d'Histoire. Strasbourg, 1992. Т. XXXV.
149. Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre Materielle Hinterlassenschaft // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1983.
150. Almásy K., Istvánovits E., Kurucz K. Das Gold von Nyíregyháza (Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jóna-Andrá-Museums Nyíregyháza). Nyíregyháza, 1997.
151. Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
152. Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.
153. Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
154. Высотская Т.Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
155. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах северного Причерноморья. М., 1971.
156. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи Боспорских городов. МИА. М., Л., 1959.
157. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
158. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. МИА. М., 1959. № 60. Т. 1.
159. Скрипкин А.С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноморского района Астраханской области // КСИА. М., 1974. Вып. 140.
160. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. К., 1993.
161. Гущина И.И. О погребальном обряде населения Бельбекской долины (По материалам могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. М., 1997. Вып. 93.
162. Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
163. Храпунов И.Н., Храпунов Н.И. Склеп с захоронениями IV в. н.э. из могильника Дружное в Крыму // ХСБ. Севастополь, 1999. Вып. X.
164. Tempelmann-Maczyńska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków, 1989.
165. Гущина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1982.
166. Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. М., 1983. Вып. Д1-22.
167. Quast D. Garnitures de ceintures méditerranéennes à plaques cloisonnées des Ve et début VIe siècles // Antiquités Nationales. 1999. № 31.
168. Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.
169. Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // Боспорские города. МИА. М., Л., 1952. № 25.
170. Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
171. Крупа Т.М. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами Криму) // Археологія. 2000. № 3.
172. Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков, 1996.
173. Pillet Ch. La tombe princière d'Hochfelden (Bas-Rhin) // Attila. Les influences danubiennes dans l'Ouest de l'Europe au Ve siècle. Publication du Musée de Normandie. Caen, 1990. № 9.
174. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25.
175. Ристов Г. Боги и культы // Римское искусство и культура. Выставка Римско-германского Музея города Кельна. Кельн, 1984.

176. Roche-Bernard G., Ferdiere A. Costumes et textiles en Gaule romaine. Paris, 1993.
 177. Айбабин А.И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре. К., 1999.
 178. Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spatromische Kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.
 179. Сидоренко В.А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями "лучистого типа" // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987.
 180. Яйленко В.П. О "Корпусе византийских надписей в СССР" // ВВ. 1987. Т. 48.
 181. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод, статья, комментарий А.А. Чекаловой. М., 1993.

Табл. 1

Характеристика деталей диадемы из могильника Лучистое, могила 82 *

Рис. 1. Женские пряжки V – первой половины VI в. из Юго-Западного Крыма.

№	Наименование	Кол-во	Материал, проба	Размеры, см	Вес, гр
1	Серьги с фигурным шитком 	2	золото 750 янтарь	высота 4,2 и 4,3	3,76 3,33
2	Круглая бляха 	1	золото 750 гранат	диаметр 2,5	5,26
3	Подвески-лунницы 	12	золото 750	1,5x1,7	0,28- 0,39
4	Треугольные бляшки 	34	золото 750	1,2x1,6	0,07- 0,16
5	Ромбические бляшки 	13	золото 750	0,8x0,9	0,16- 0,22
6	Круглые бляшки 	45	золото 750	диаметр 0,7-0,8	0,03- 0,07
7	Сигмовидные рядовые бляшки 	106	золото 750	0,9x3,2	0,09- 0,14
8	Сигмовидные концевые внешние 	2	золото 750	0,9x3,0	0,2
9	Сигмовидные концевые внутренние 	2	золото 750	0,9x3,3	0,21 0,28
10	Трубочки-пронизи 	48	золото 750	длина 1,1-1,2	0,06- 0,12
11	Цилиндрические бусины 	30	коралл	длина 0,2-0,6	

* Проба и вес изделий определены в Южном управлении пробирного надзора государственной пробирной палаты Украины, г. Одесса. Сведения предоставлены зав. фондами Крымского республиканского краеведческого музея Л.Н.Храпуновой, за что приношу ей глубокую благодарность.

KHAIREDIKOVA E. A.

FEMALE COSTUME OF THE BARBARIANS IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA
IN THE 5TH – THE FIRST HALF OF THE 6TH CENTURIES

Summary

At the turn of the 4th and 5th centuries, when the Huns captured the Crimean steppes and the western part of European Bosphorus, ethnic processes became more active on the peninsula. This article is devoted to one of the most ethnically expressive elements of material culture – to the female costume.

The Barbarians of the South-Western Crimea buried the deceased in their every day clothes, not special burial ones. Fragmentary textile remnants do not allow us to restore the style of clothes. That is why the costume may be studied mainly by functional details of the clothes, which make the set (buckles and fibulas) and such decorations as beads, pendants, earring, bracelets and signet rings. The image of the costume is completed with such things as pyxis and mirrors and tools - knives and spindle wares.

In general characterising female costume of the barbarians of the South-Western Crimes of the 5th – the first half of 6th centuries we should mention the following: during the first half of the 5th century the female costume was of a distinctly "Alanic" look. The succession to the costume of the Alanic population of the South-Western Crimea of Late Roman period is distinctive. In the first half of the 5th century sets with fibulas containing accessories typical for Alanic world prevail. No buckles are worn and only one fibula to fasten the cloak on the shoulder or chest. In accordance with Alanic fashion clothes are decorated with plates sewn on, mirrors from the Northern Caucasus, Alanic mirrors are used as accessories.

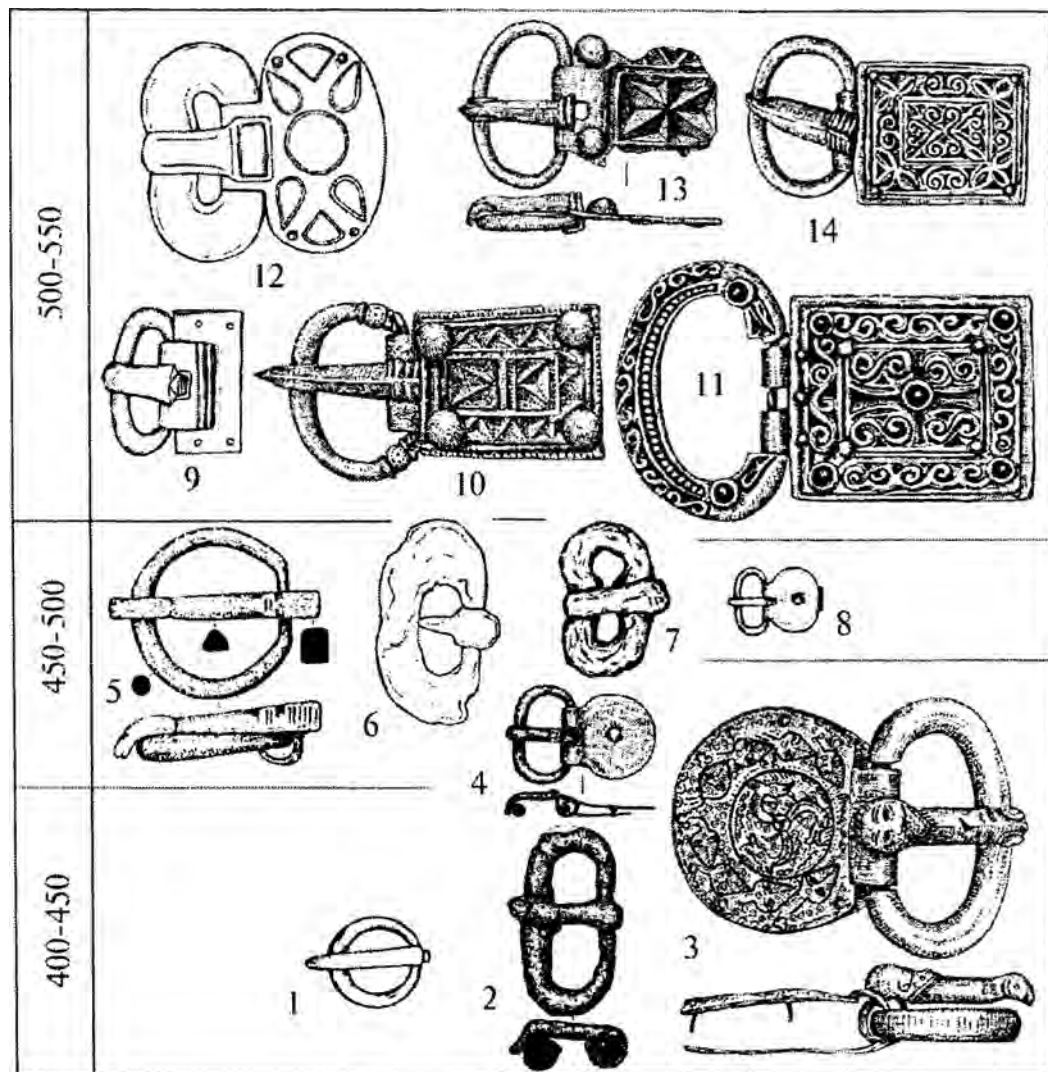
Simultaneously in the female costume some elements of fashion typical for the Danube region are traced through for the barbarians of the Huns alliance. In the Alanic costume Danube bi-plated and sagged fibulas came into fashion; two on the shoulders were worn. However, in the South-Western Crimea bi-plated fibulas forming a pair dating to the first half of the 5th century are still unknown. In this period a completely new type of clothes appears; the main component of it is a belt, usually wide, with a buckle. New sets with a buckle contain decorations originated in the Roman provinces of the Danube region: a pair of earrings with a 14-facet polyhedron and bracelets with notch.

In the female costume of the first half of the 5th century from the South-Western Crimea Danube fibulas and decorations prevail, they are typical for common people, not only for the upper layers of the Huns alliance. There are no large bi-plated inlaid or plain fibulas, gold neck decorations, earrings and bracelets typical for burials of Unterzibebnbrunn type. A large buckle found near Yalta can be considered as an element of "prince" Danube fashion. In accordance with this fashion a forehead band brought from Bosphorus was decorated with a circular plate manufactured in the Hun inlay style. In the first half of the 5th century the population of the South-Western Crimea had wide trade relations with Bosphorus, which provided decorations and accessories (pyxis and cosmetics). Almost all gold decorations (earrings, fibulas-brooches, sewn up plates) of this period from the South-Western Crimea were manufactured in the workshops of the Bosphorus Kingdom; they are typical for Bosphorus

nobility. In the South-Western Crimea in the first half of the 5th century a small layer of the population is singled out, most probably its representatives were rather well off (In Luchistoe gold wares (50 grams) were found in grave 82.), women wore decorations of Bosphorus nobility. In Almaluk-Dere and Luchistoe women with gold Bosphorus decorations were buried in the same vaults judging by the inventory with the representatives of the kin who were poorer. In Luchistoe in a separate vault a woman with a diadem was buried. In vault 88 of the same necropolis gold earrings were found in the corner of the chamber, where they were probably put as a gift by a wife to one of the warriors buried here. The inventory of a warrior was accompanied with gold female decorations in vault 65 of Almaluk-Dere necropolis. Obviously, women who wore rich decorations were warriors' wives. It is difficult to single out German component in the female costume of the first half of the 5th century in the South-Western Crimea. Chernyakhov fibulas are small in quantity, they are fixed in the sets characteristic for the Alanic costumes. The Germans who had settled in the South-Western Crimea in the 3rd century buried their deceased by cremation rite up to the mid-5th century, and that does not allow us to reconstruct the costume of those people. Bi-plated fibulas, which were a part of East-German costume in the 4th century, were worn by many nations in the first half of the 5th century. The buckle found near Yalta can be considered a German one. The situation is changing in the second half of the 5th century, when in female burial places sets with fibulas of Type I disappear, and sets with buckles of Type 2 are fixed, where the German component is clearly seen. Many details of the costume of that period are borrowed from the Ostrogoths, who stayed in the Danube region after the decline of the Hun state and when the Huns had left. Judging by a female costume, in the second half of the 5th century the barbarians of the South-Western Crimea did not differ greatly from the Ostrogoths of the Danube region. It should be mentioned that Procopius of Caesarian considered the Goths of Dori to be the subjects of Theodoric king till the time he left for Italy. In the female costume of the barbarians of the South-Western Crimea of the end of the 5th – the first half of the 6th century there are things testifying to the contacts of the local population with other German tribes: with the Gepidae from the Danube region and the Franks and Alans, who lived far in the West. Despite the prevailing of the German features in the costume of the second half of the 5th – the first half of the 6th century, features traditional for Alanic clothes (sewn up gold plates, the usage of one fibula) are preserved as well.

In the second half of the 5th – the first half of the 6th century Chersonesos played a great role in spreading German fashion in the South – Western Crimea. Finds of metal accessories characteristic for a female Ostrogoths costume in the burial places of Chersonesos necropolis testify to the fact of the existence, probably, of the community of these people. It is indirectly confirmed by the epigraphic data. Chersonesos also further promoted the spread of Byzantine fashion.

A female costume, which took shape by the mid-6th century enables us to speak about mixed, Gothic and Alanic population of this region. In the mid-6th century Procopius Caesarian called all the inhabitants of the South–Western Crimea - the Goths. It is known that Procopius thought the Alans to be one of the Gothian tribes. The presence of the Alans is confirmed by archaeological data.

1,8,13 – Скалистое (1 – склеп 485, погребение 2; 8 – склеп 190; 13 – склеп 5) [8, с. 8, 32, 122, рис. 3, 1; 18, 36; 89, 17]; **2,4,5** – Лучистое (2 – склеп 75, погребение 3; 4 – склеп 75, погребение 2; 5 – склеп 66, погребение 3) [11, с. 292, рис. 10, 5,6]; **3** – случайная находка близ Ялты [1, с. 64, рис. 22, 3]; **6,12** – Сахарная Головка (6 – могила 12; 12 – могила 41); **7,14** – Черная Речка (7 – склеп 11; 14 – склеп 64) [1, с. 64, рис. 22, 4]; **11** – Гурзуф [1, с. 64, рис. 22, 1]; **9,10** – Херсон, склеп 14/1914 [1, с. 309, табл. XXV, 12; 33, с. 28, рис. 5, 5].

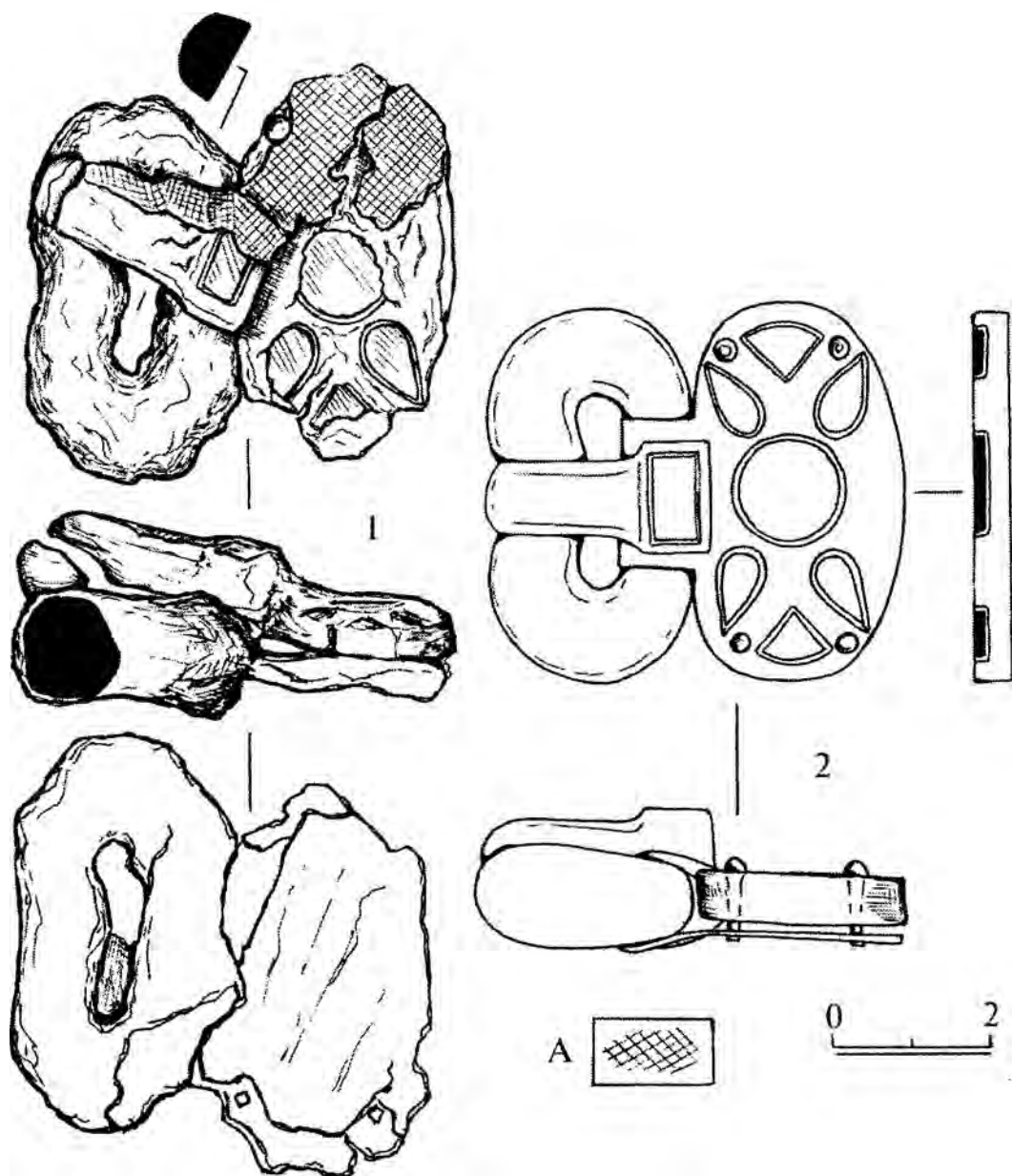

Рис. 2. Железная пряжка с инкрустированным щитком первой половины VI в. из могилы 41 некрополя Сахарная Головка. 1 – изображение пряжки в ее современном состоянии; 2 – реконструкция пряжки. А – остатки ткани.

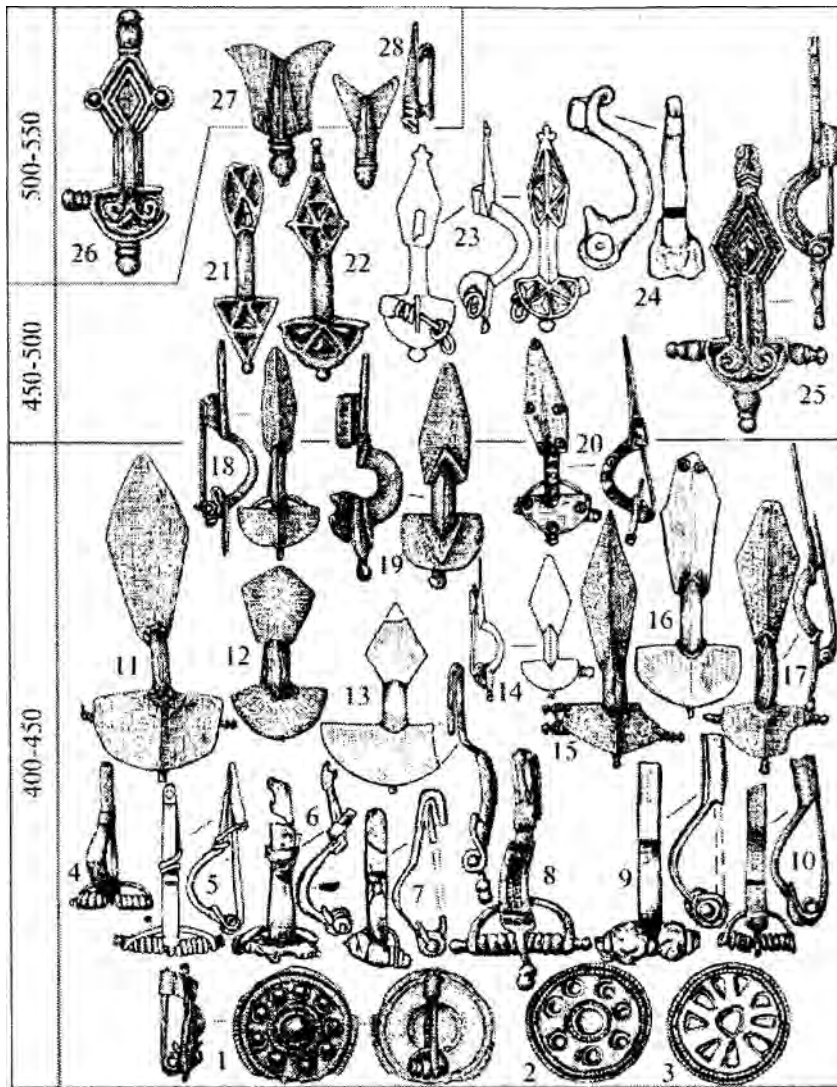

Рис. 3. Женские фибулы V – первой половины VI в. из Юго-Западного Крыма.
 1,5-7,9,10,18-20 – Лучистое (1 – склеп 126, погребение 2; 5 – могила 82; 6 – склеп 55, погребение 2; 7 – склеп 126, в блюде; 9 – склеп 156; 10,18 – склеп 58; 19 – склеп 100, погребение 12; 20 – могила 168) [11, с. 288, 298, рис. 8, 3, 17, 18; 13, 12: 37, с. 31, рис. 6, 3];
 2,3,14 – Алмалык-Дере, склеп 65 [36, S. 533, Abb. 9, 3-5]; 4,8,11,12,16,17,21 – Скалистое (4,8 – склеп 421, погребение 1; 11 – склеп 421 погребение 4; 12 – склеп 421, погребение 2; 16,17 – склеп 485, погребение 3; 21 – склеп 190) [1, с. 304, 309, XX, 1,2,4; XXV, 5; 8, с. 104, 122, рис. 74, 15,17; 89, 19]; 13 – Гурзуф [7, табл. 13, 10]; 15 – Инкерман, могила 29 [1, с. 304, табл. XX, 3]; 22,25-27 – Херсонес (22,27 – могила 3/1891; 26 – склеп 14/1914) [1, с. 309, табл. XXV, 1,3,9,10]; 23,24 – Сахарная Головка, могила 12; 28 – Красный Мак, склеп 7 [1, с. 309, табл. XXV, 8].

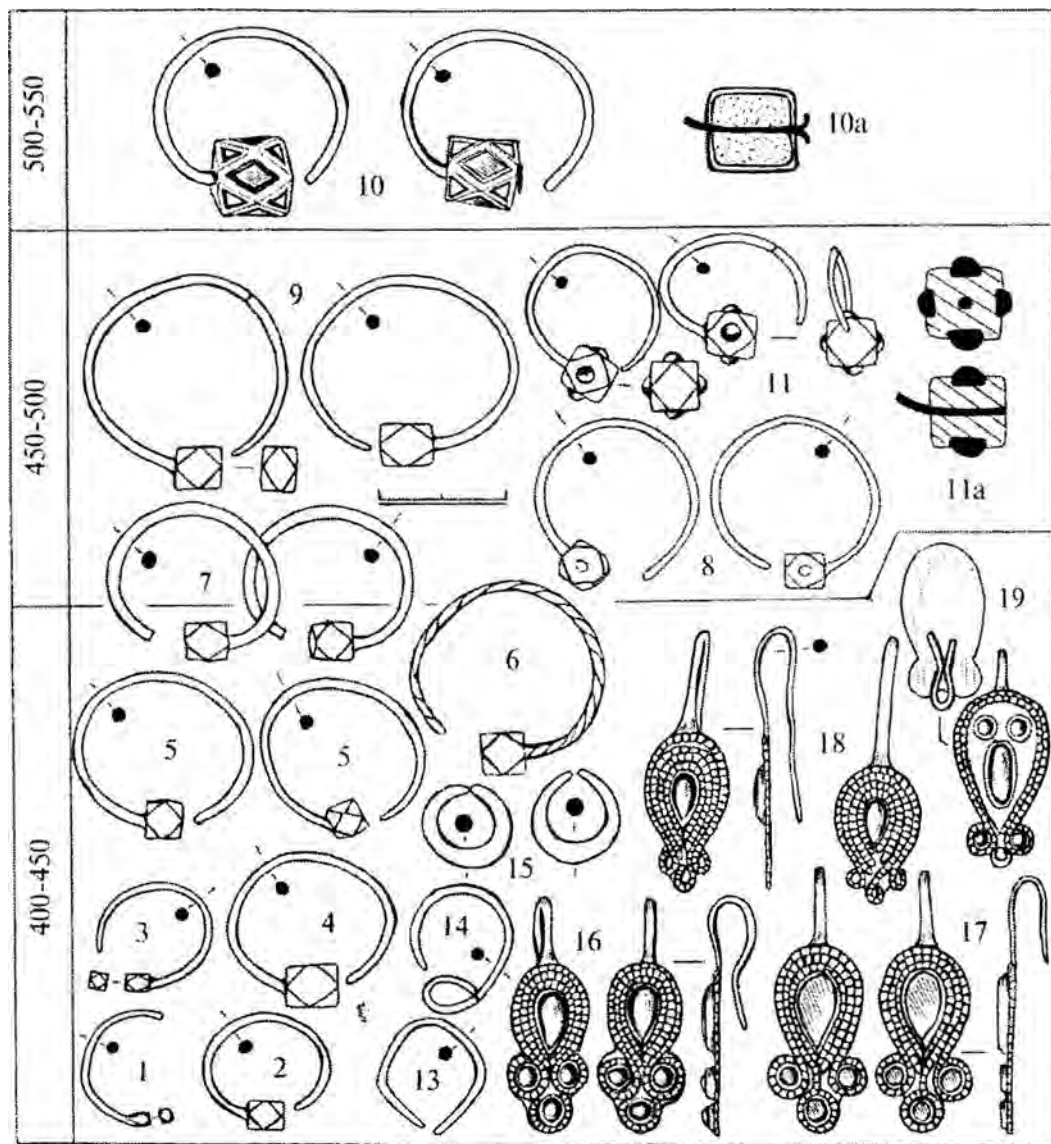

Рис. 4. Женские серьги V – первой половины VI в.

1,3,7,9,13-18 – Лучистое (1 – склеп 36, нижний слой; 3 – склеп 41; 7 – склеп 75, погребение 2; 9 – склеп 66, погребение 3; 13 – склеп 55, погребение 2; 14 – склеп 100, погребение 12; 15 – склеп 174, погребение 2; 16 – склеп 126, погребение 2; 17 – могила 82; 18 – склеп 88) [9, с. 224, рис. 10, 5; 11, с. 280, 288, 292, 298, 308, рис. 4, 8; 8, 8; 10, 7, 8; 13, 7, 8; 21, 22, 23; 37, с. 31, рис. 6, 1, 2]; 2 – Красный Мак, склеп 2 [63, рис. 4, 13]; 4 – Совхоз 10, склеп 8 [154, с. 270, рис. 5, 26]; 5, 6, 10 – Сахарная Головка (5 – могила 16; 6 – могила 53; 10 – могила 41) [23, табл. V, 1, 2, 5, 6; 43, с. 46, рис. 5, 11]; 8 – Скалистое, склеп 190 [8, с. 32, рис. 18, 39, 40]; 11 – Черная Речка, склеп 11/1989 [1, с. 63, рис. 21, 30, 31]; 19 – Алмалык-Дере, склеп 65 [36, S. 531, Abb. 7, 2].

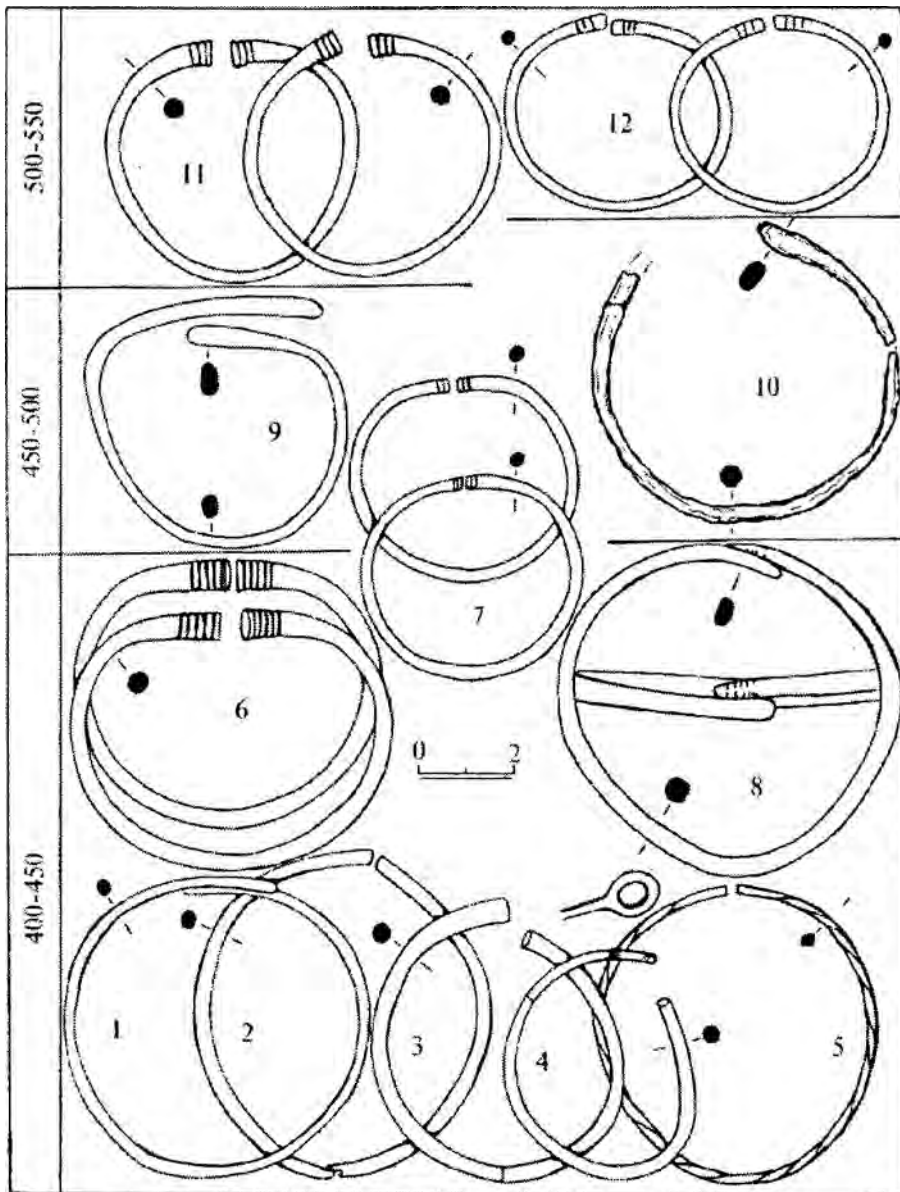

Рис. 5. Браслеты из женских и детских погребений V – первой половины VI в.
 1-4,12 – Скалистое (1 – могила 481; 2 – склеп 421, погребение 1; 3 – склеп 421, погребение 2; 4 – склеп 485, погребение 4; 12 – могила 754, погребение 2) [8, с. 104, 122, 157, рис. 74, 11, 12; 89, 1, 16; 116, 8, 9]; 5-10 – Лучистое (5 – склеп 100, погребение 12; 6 – склеп 75, погребение 3; 7 – склеп 75, погребение 2; 8 – склеп 174, погребение 2; 9, 10 – склеп 66, погребение 3) [9, с. 224, рис. 10, 6; 11, с. 292, рис. 10, 3, 4, 14, 15]; 11 – Сахарная Головка, могила 41 [23, с. 180, табл. VI, 1, 2].

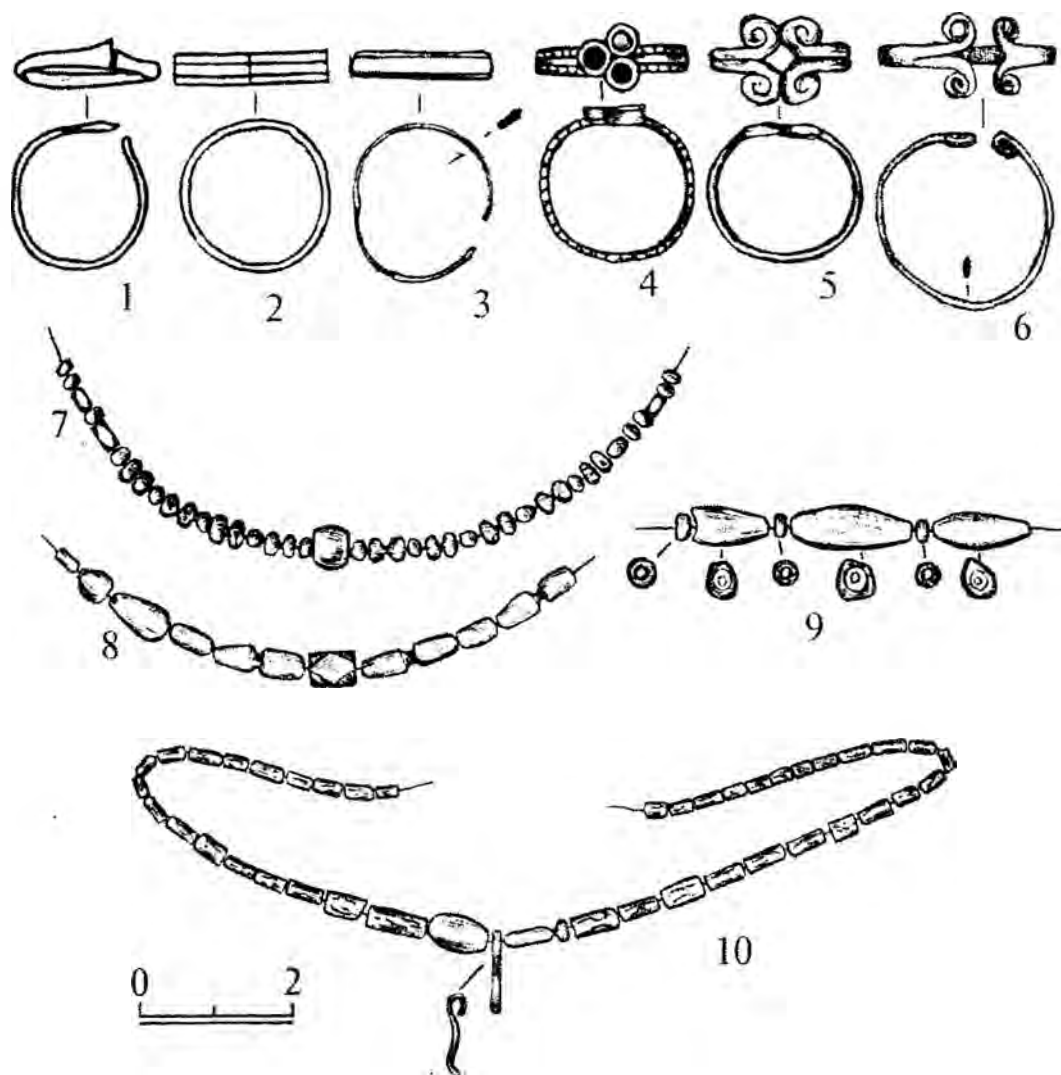

Рис. 6. Перстни и ожерелья из женских погребений V в.
1,2 – Скалистое (1 – могила 481; 2 – склеп 101) [8, с. 9, 121, рис. 4, 19; 88, 22]; **3,4,6-10** – Лучистое (3 – склеп 174, погребение 2; 4 – могила 82; 6 – склеп 126, погребение 2; 7 – склеп 75, погребение 2; 8 – склеп 88; 9 – склеп 75, погребение 3; 10 – склеп 58) [9, с. 223, 227, рис. 9, 1,11; 13, 2,5; 11, с. 298, рис. 13, 15; 37, с. 29, рис. 3, 12]; **5** – Черная Речка, склеп 11.

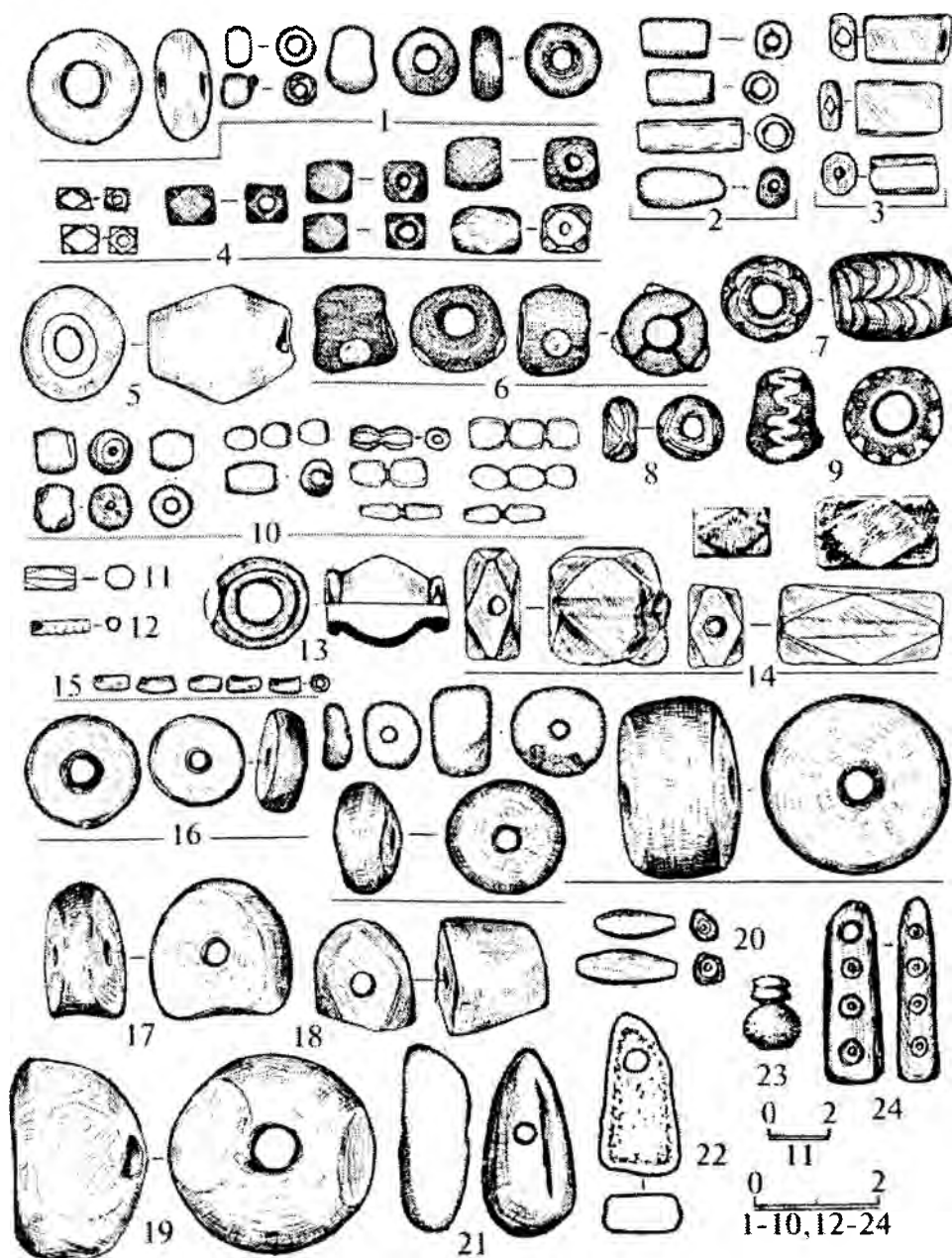

Рис. 7. Бусы и подвески V в. из Юго-Западного Крыма.
 1-5 – одноцветное стекло; 6-9 – полихромное стекло; 10 – стекло с внутренней металлической прокладкой; 11-13 – бронза; 14 – сердолик; 15 – коралл; 16-23 – янтарь; 24 – кость.

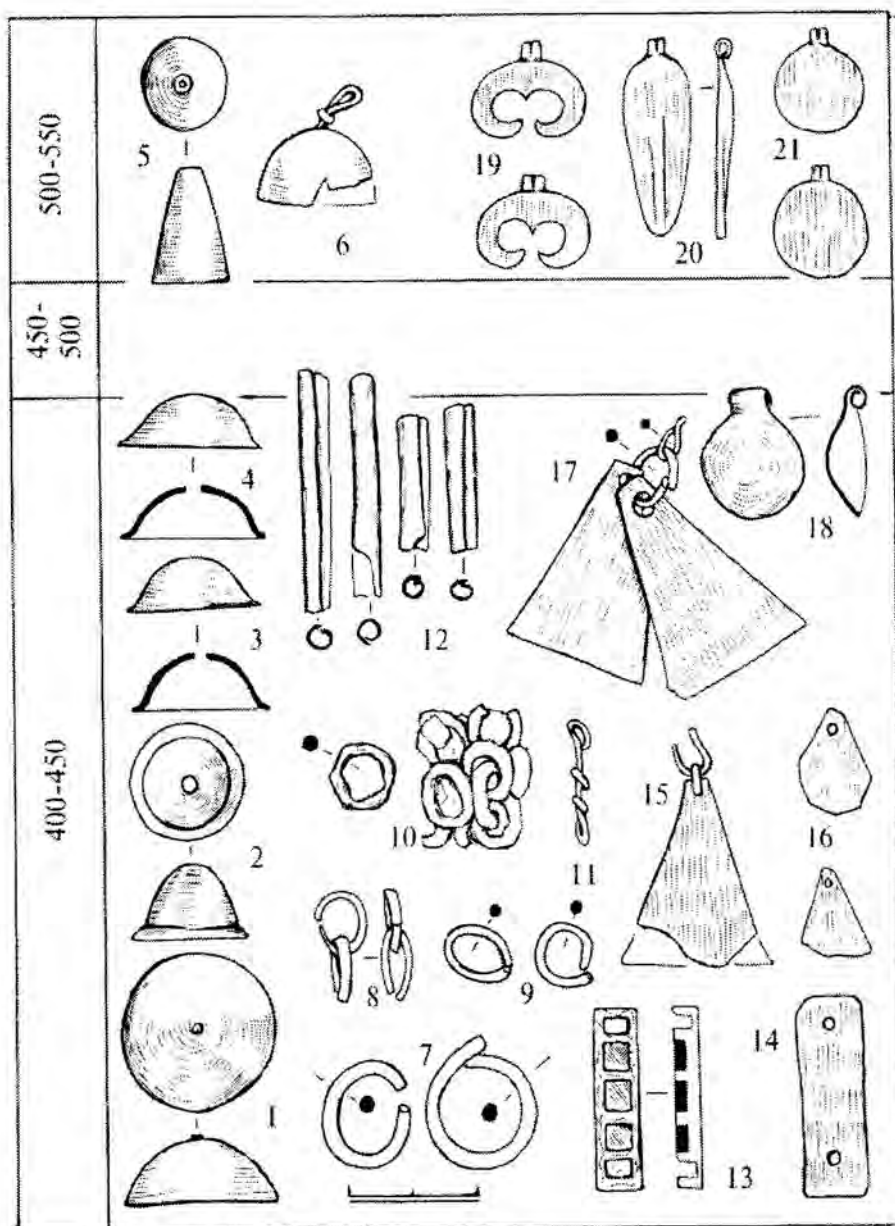

Рис. 8. Металлические подвески из погребений V – первой половины VI в.
1,5,6,7,9-11,14-16 – Скалистое (1, 14 – склеп 421, погребение 2; 5, 6 – склеп 430; 7, 9, 15 – склеп 421, погребение 3; 11, 16 – склеп 421, погребение 4) [8, с. 104, 106, рис. 74, 10, 16, 20, 21, 23, 25-27, 29; 76, 11, 19]; **2-4, 8, 10, 12, 13, 17, 18** – Лучистое (2, 8, 13 – склеп 126; 3, 4, 12 – склеп 100, погребение 12; 10, 17, 18 – могила 168) [9, с. 224, рис. 10, 1, 2, 7, 10; 37, с. 29, рис. 3, 2, 9, 11]; **19-21** – Сахарная Головка, могила 41 [23, табл. V, 8].

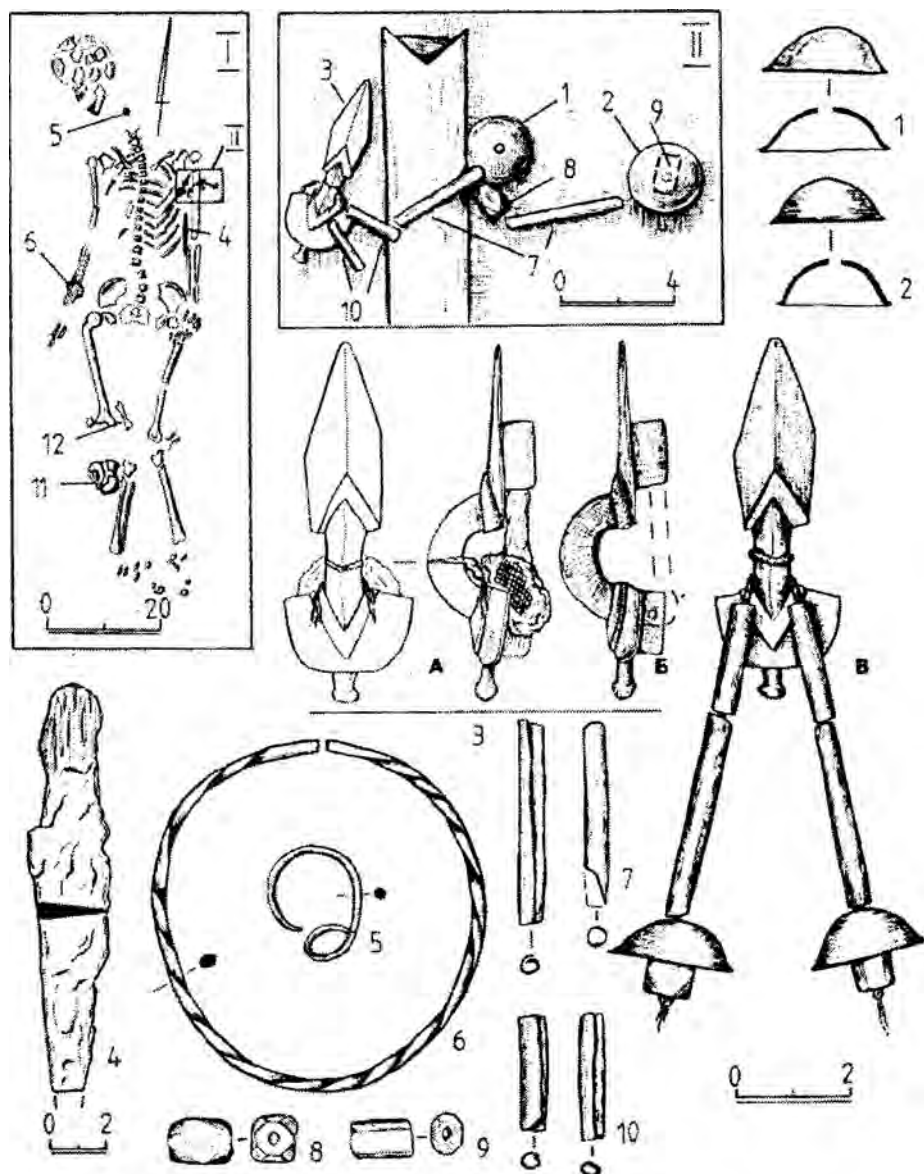

Рис. 9. Погребение 12 первой половины V в. из склепа 100 могильника у с. Лучистое. 1 – план погребения; II – расположение in situ бляшек и подвесок, украшавших фибулу; 1, 2 – бронзовые подвески; 3 – бронзовая фибула (а – вид до реставрации с остатками нити и ткани; б – вид после реставрации; в – реконструкция фибулы с украшавшими ее подвесками); 4 – железный нож; 5 – бронзовая серьга типа 1; 6 – бронзовый браслет; 7, 10 – бронзовые трубочки; 8, 9 – стеклянные бусины.

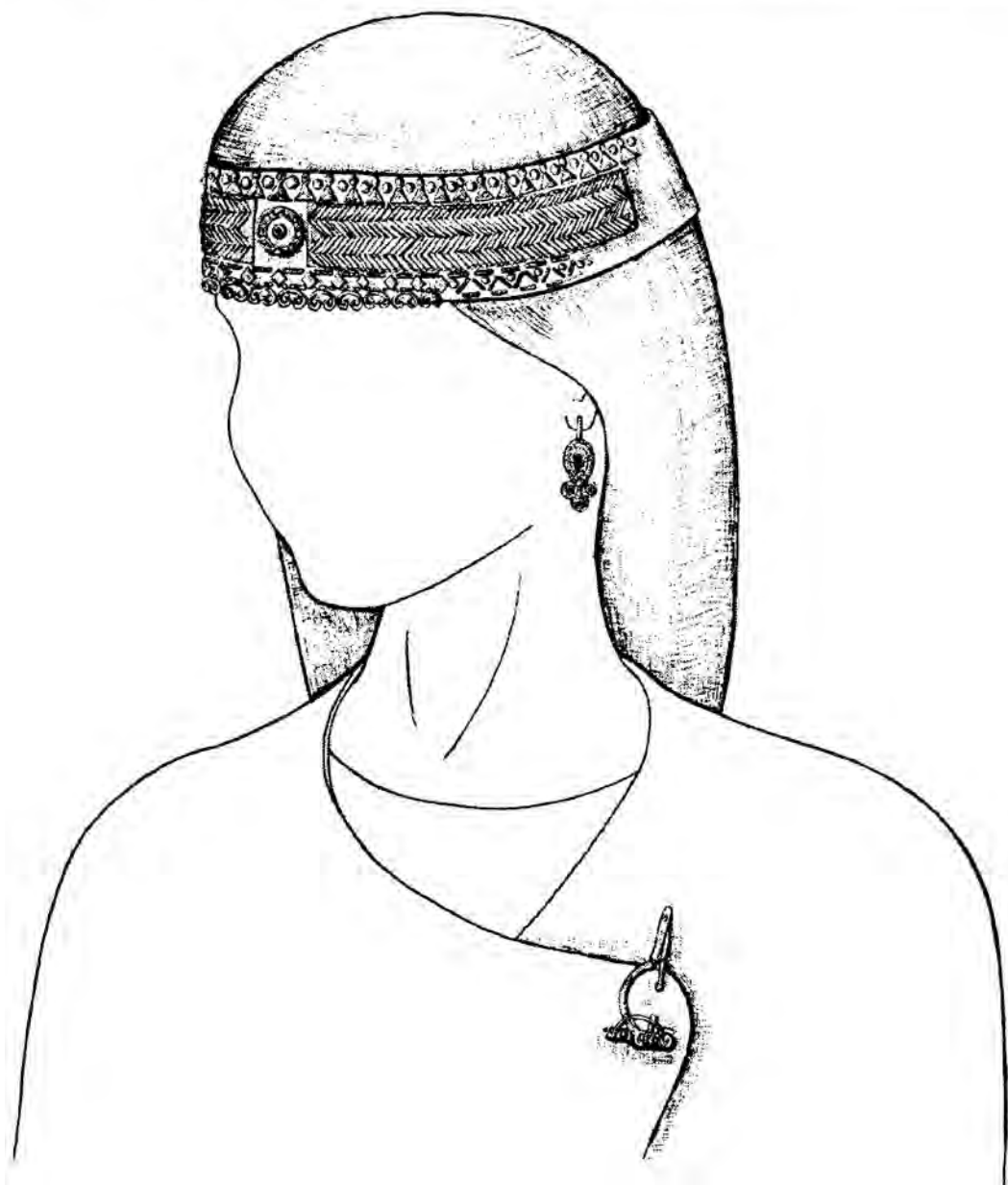

Рис. 10. Реконструкция парадного убора погребенной из могилы 82 первой половины V в. из могильника у с. Лучистое.

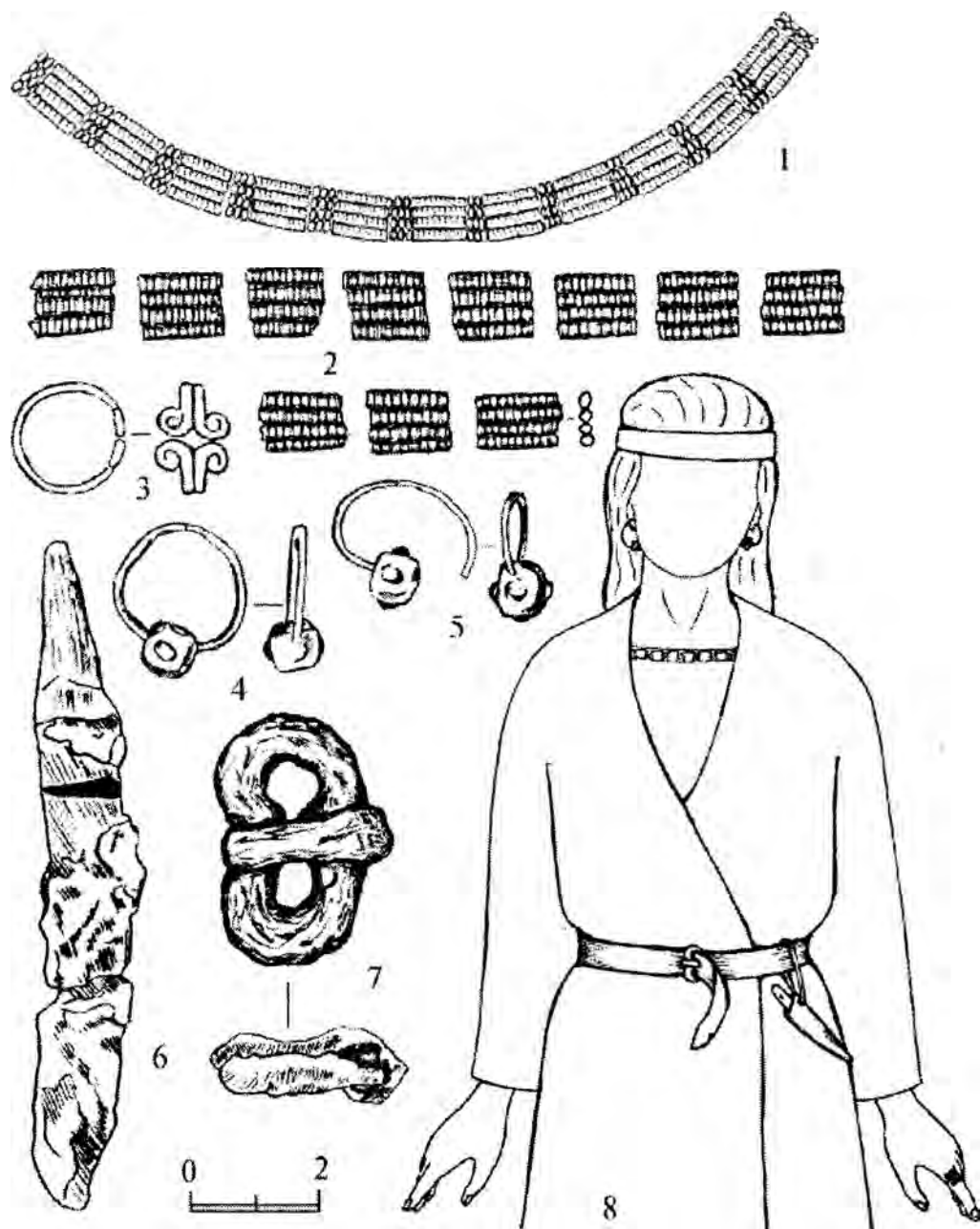

Рис. 11. Погребение второй половины V в. из склепа 11 могильника Черная Речка. 1 – реконструкция украшения горловины; 2 – золотые бляшки; 3 – серебряный перстень; 4,5 – серебряные серьги; 6 – нож железный; 7 – пряжка железная; 8 – реконструкция костюма погребенной.

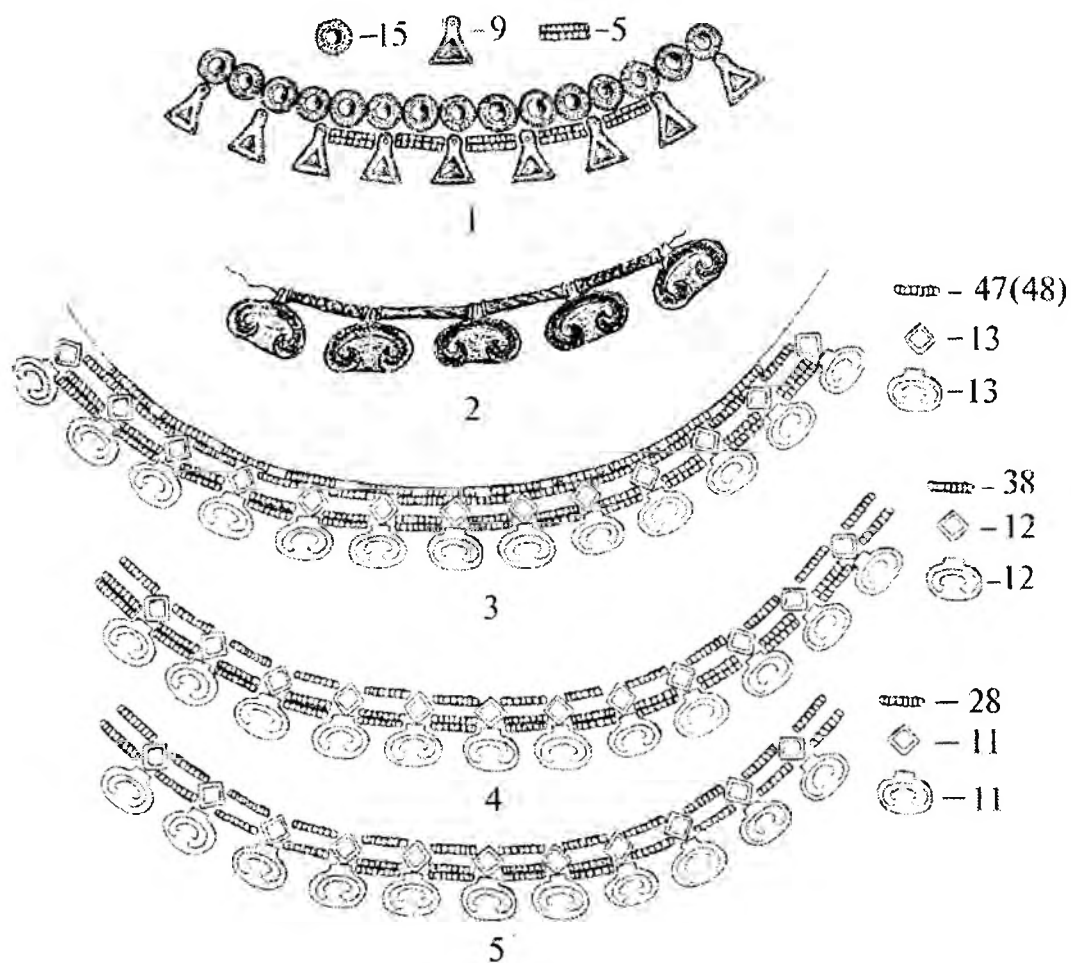

Рис. 12. Реконструкции обшивок горловин платьев второй половины III в. (2) и первой половины V в. (1, 3-5).
1 – Синявка; 2 – Градешка; 3 – Танаис, погребение 295/1981 г.; 4 – Танаис, погребение 3/1990 г.; 5 – Гурзуф, коллекция Диргардта.

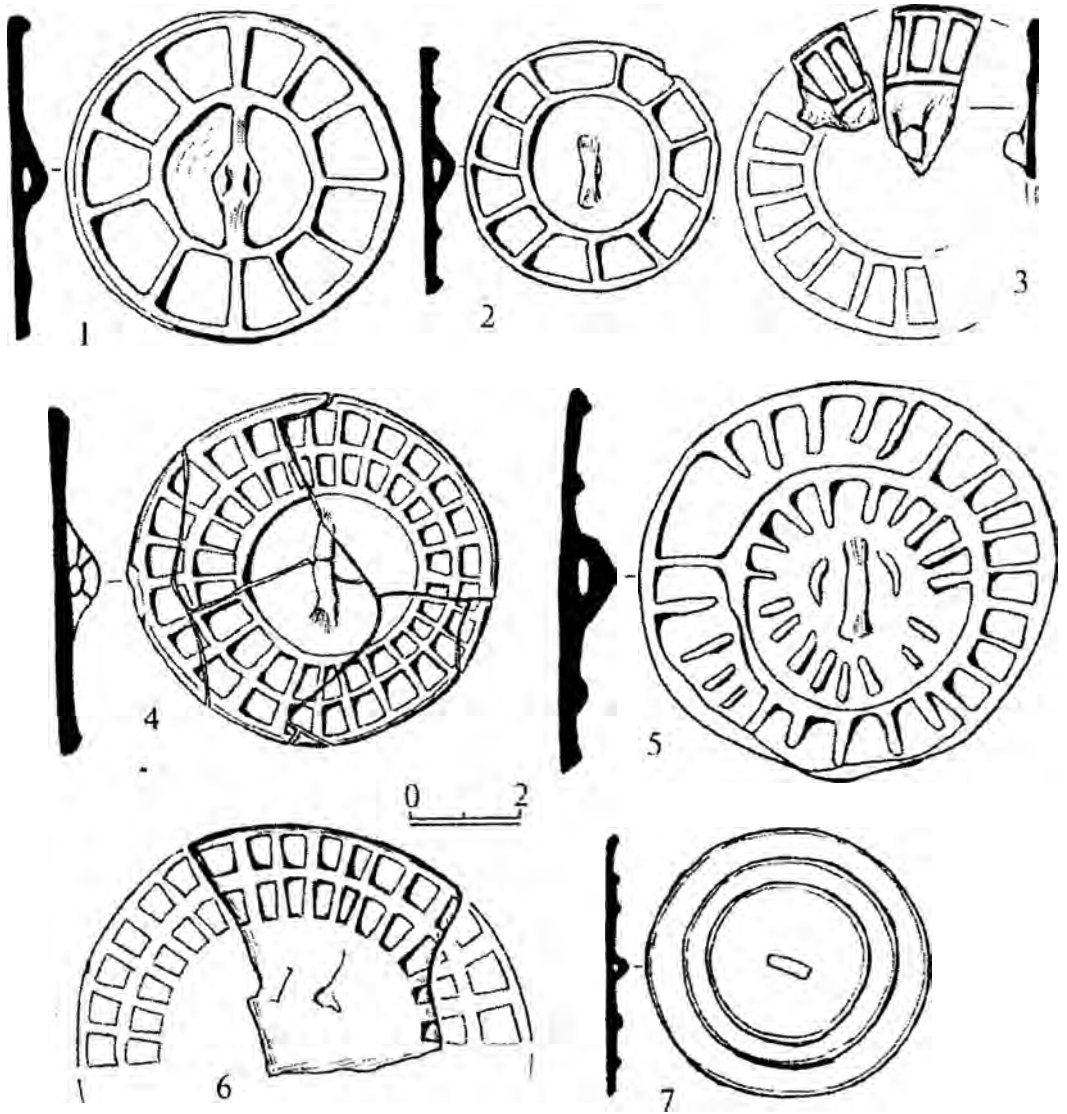

Рис. 13. Зеркала из погребений конца IV в. (2) и первой половины V в. (1,3-7) из Юго-Западного Крыма.

1,4 – Лучистое (1 – склеп 41; 4 – могила 168); 2,6 – Скалистое (2 – подбойная могила 481; 6 – склеп 101) [8, с. 9, 122, рис. 4, 16; 89, 2]; 3 – Мангуп, склеп 65 [36, S. 531, Abb. 7, 4]; 5 – Красный Мак, склеп 2 [63, рис. 3, 10]; 7 – Совхоз 10, склеп 8 [154, с. 270; рис. 5, 25].

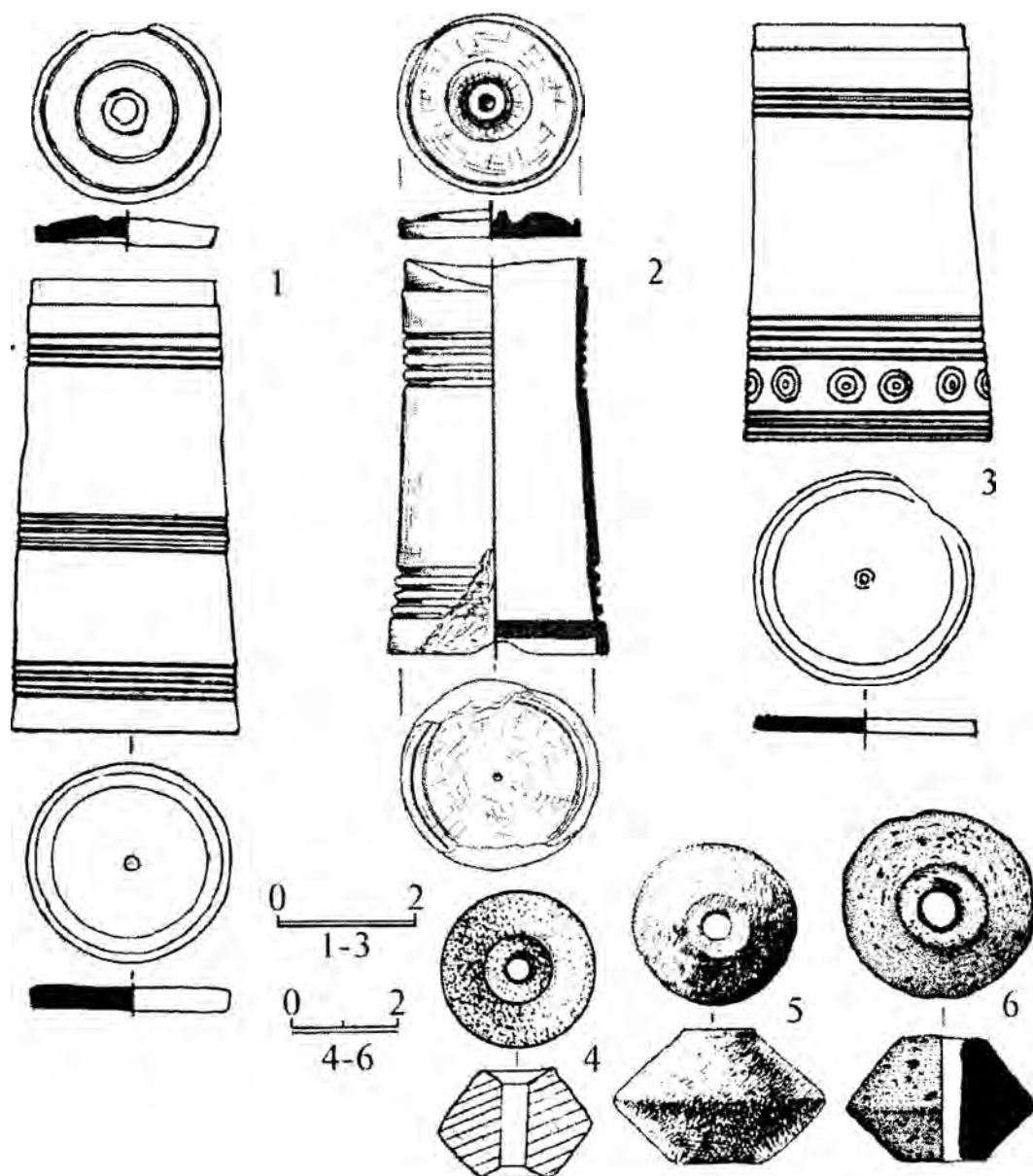

Рис. 14. Пиксиды (1-3) и пряслица (4-6) из погребений первой половины V в. из Юго-Западного Крыма.

1-3, 6 – Лучистое (1,3 – склеп 88; 2 – могила 168; 6 – склеп 126, погребение 2) [11, с. 306, рис. 19, 3,4; 37, с. 29, рис. 3, 1]; 4,5 – Скалистое (4 – склеп 434; 5 – склеп 421, погребение 1) [8, рис. 74, 18; 77, 5].

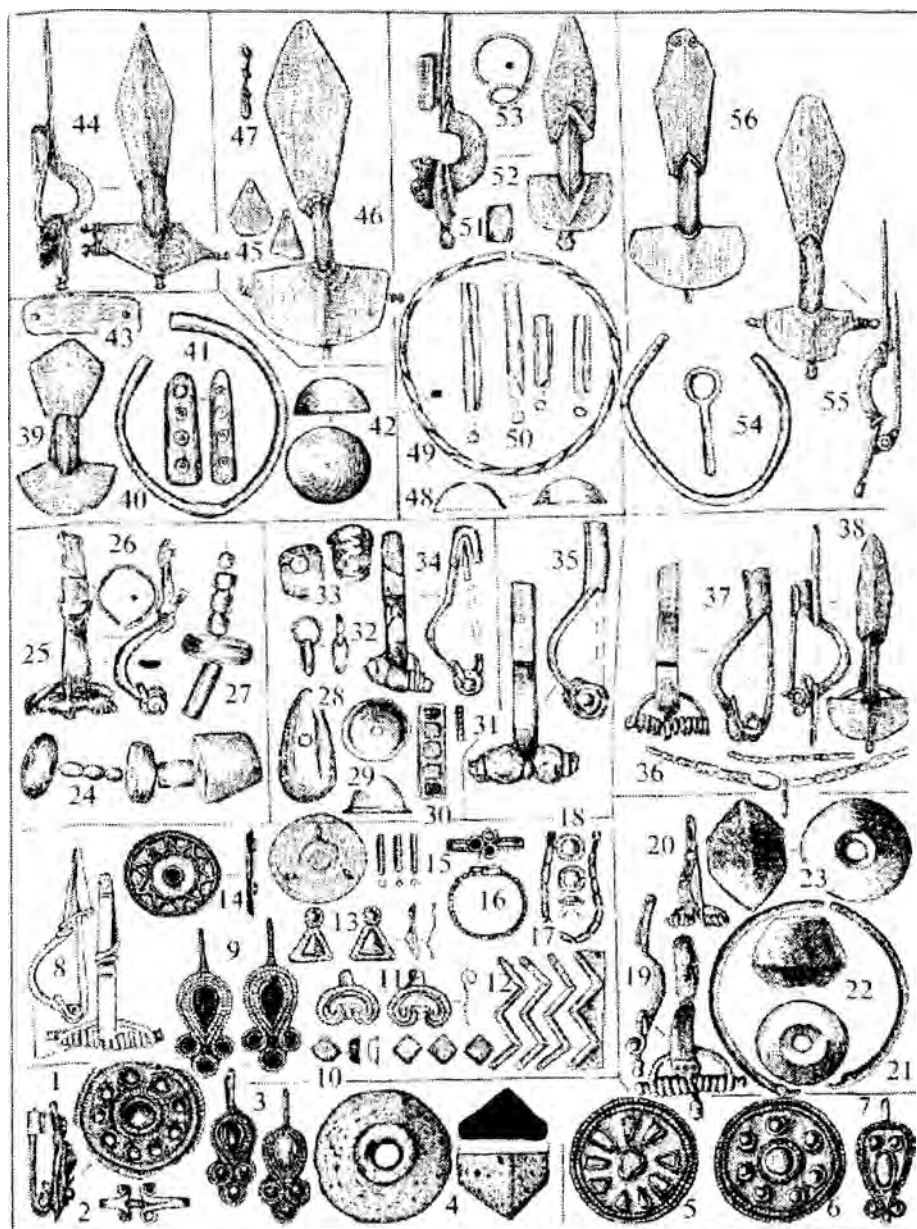

Рис. 15. Детали женского костюма с фибулами первой половины V в. из Юго-Западного Крыма. 1-4 – Лучистое, склеп 126, костяк 2; 5-7 – Алмалык-Дере, склеп 65; 8-18 – Лучистое, могила 82; 19-23 – Скалистое, склеп 421, костяк 1; 24-27 – Лучистое, склеп 55, костяк 2; 28-34 – Лучистое, склеп 126, на полу; 35 – Лучистое, склеп 156; 36-38 – Лучистое, склеп 58; 39-43 – Скалистое, склеп 421, костяк 2; 44 – Инкерман, могила 29; 45-47 – Скалистое, склеп 421, костяк 4; 48-53 – Лучистое, склеп 100, костяк 12; 54-56 – Скалистое, склеп 485, костяк 4.

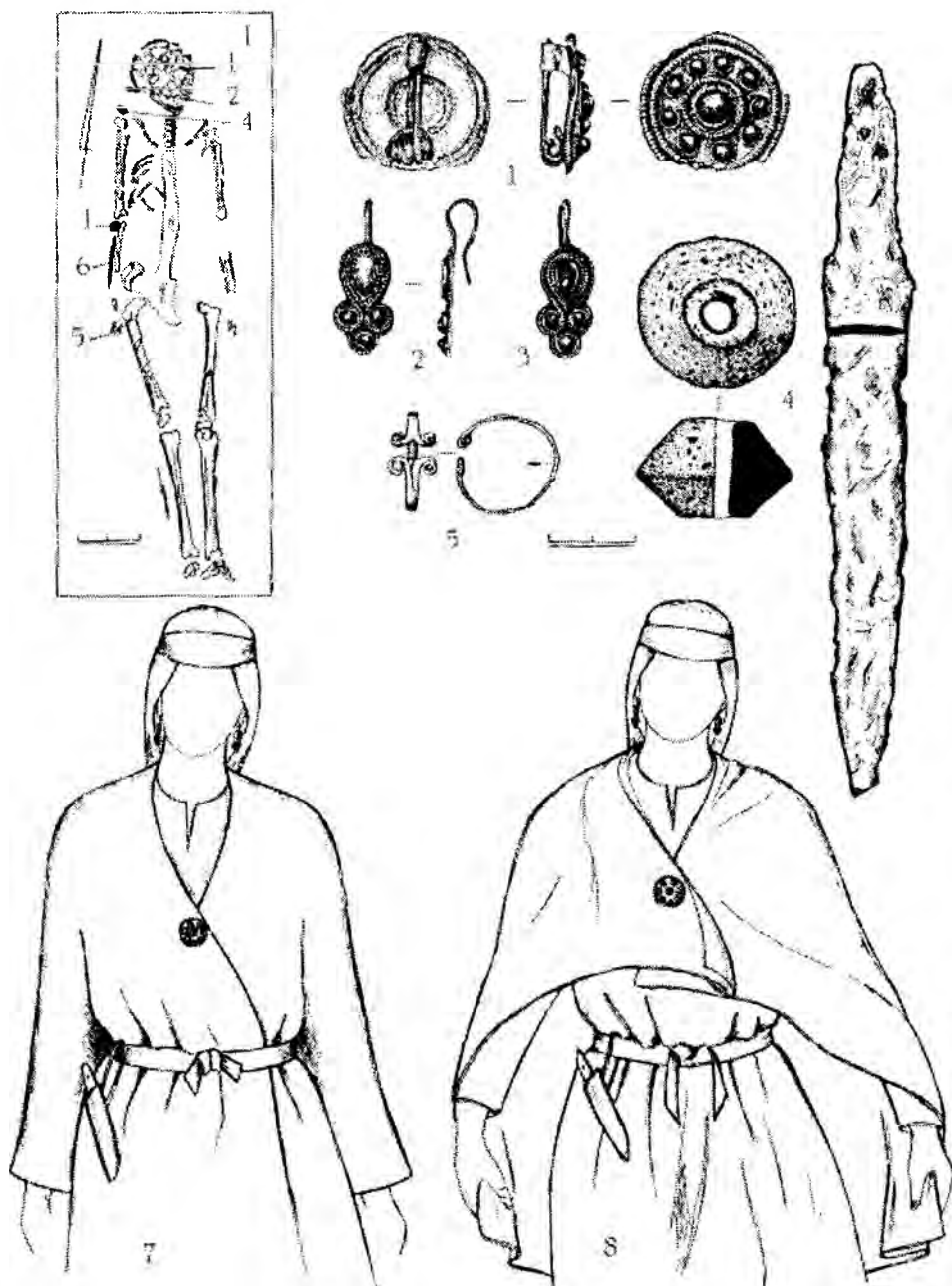

Рис. 16. Погребение 2 из склепа 126 первой половины V в. из могильника у с. Лучистое. 1 – план погребения; 1-6 – инвентарь; 7,8 – варианты реконструкции одеяния погребенной.

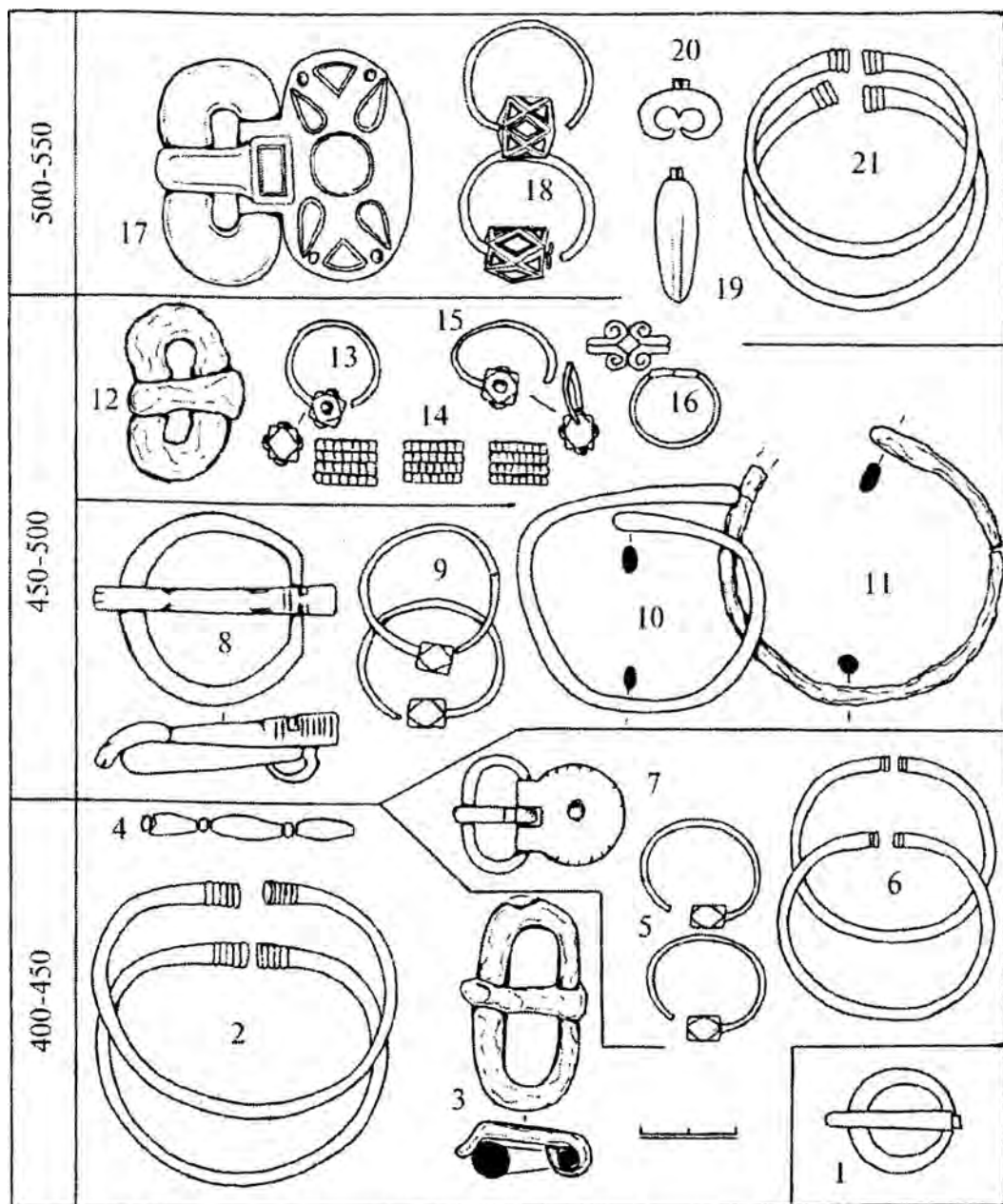

Рис. 17. Детали женского костюма с пряжками V – первой половины VI в. из Юго-Западного Крыма.

1 – Скалистое, склеп 485, погребение 2; 2-4 – Лучистое, склеп 75, погребение 3; 5-7 – Лучистое, склеп 75, погребение 2; 8-11 – Лучистое, склеп 66, погребение 3; 12-16 – Черная Речка, склеп 11/1989; 17-21 – Сахарная Головка, могила 41.

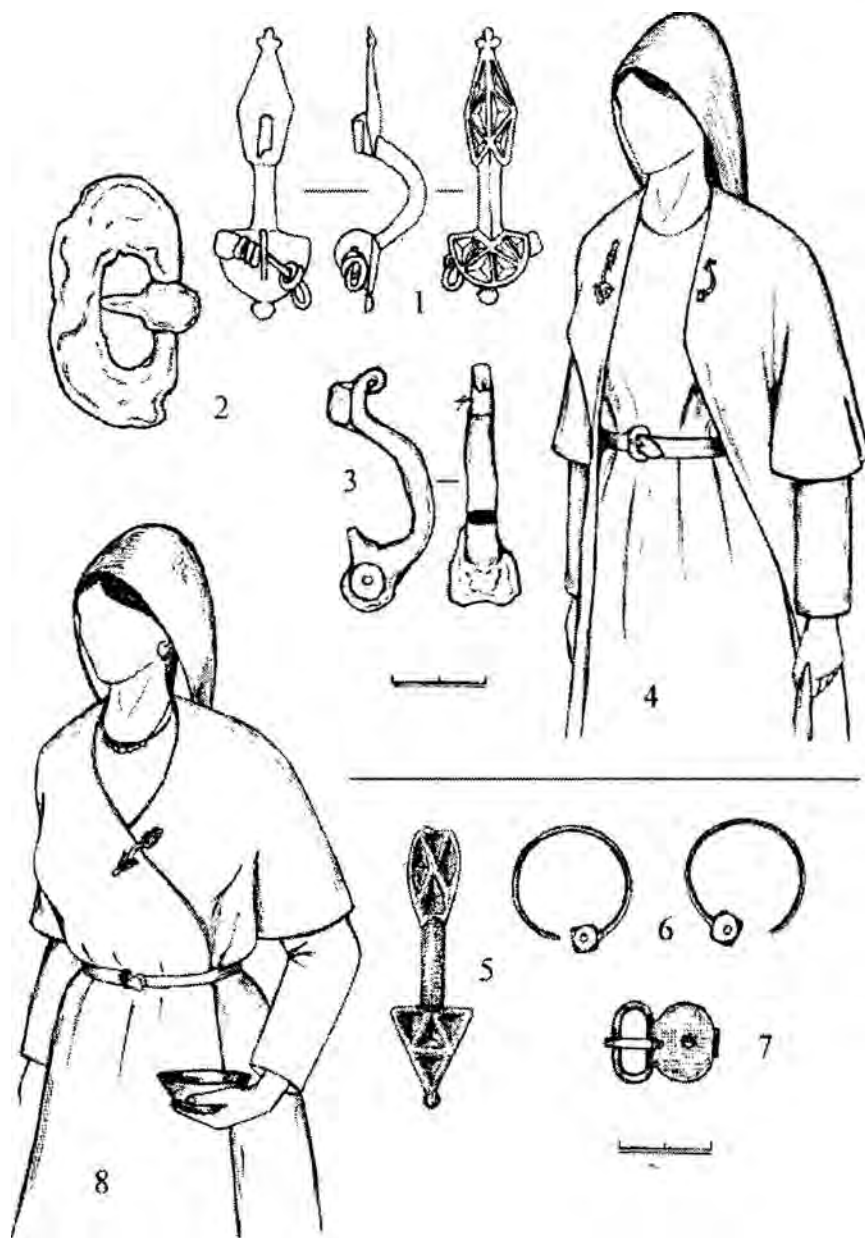

Рис. 18. Детали женского костюма с фибулами и пряжкой второй половины V в. и реконструкции одеяний погребенных. 1-4 – Сахарная Головка, могила 12; 5-8 – Скалистое, склеп 190.

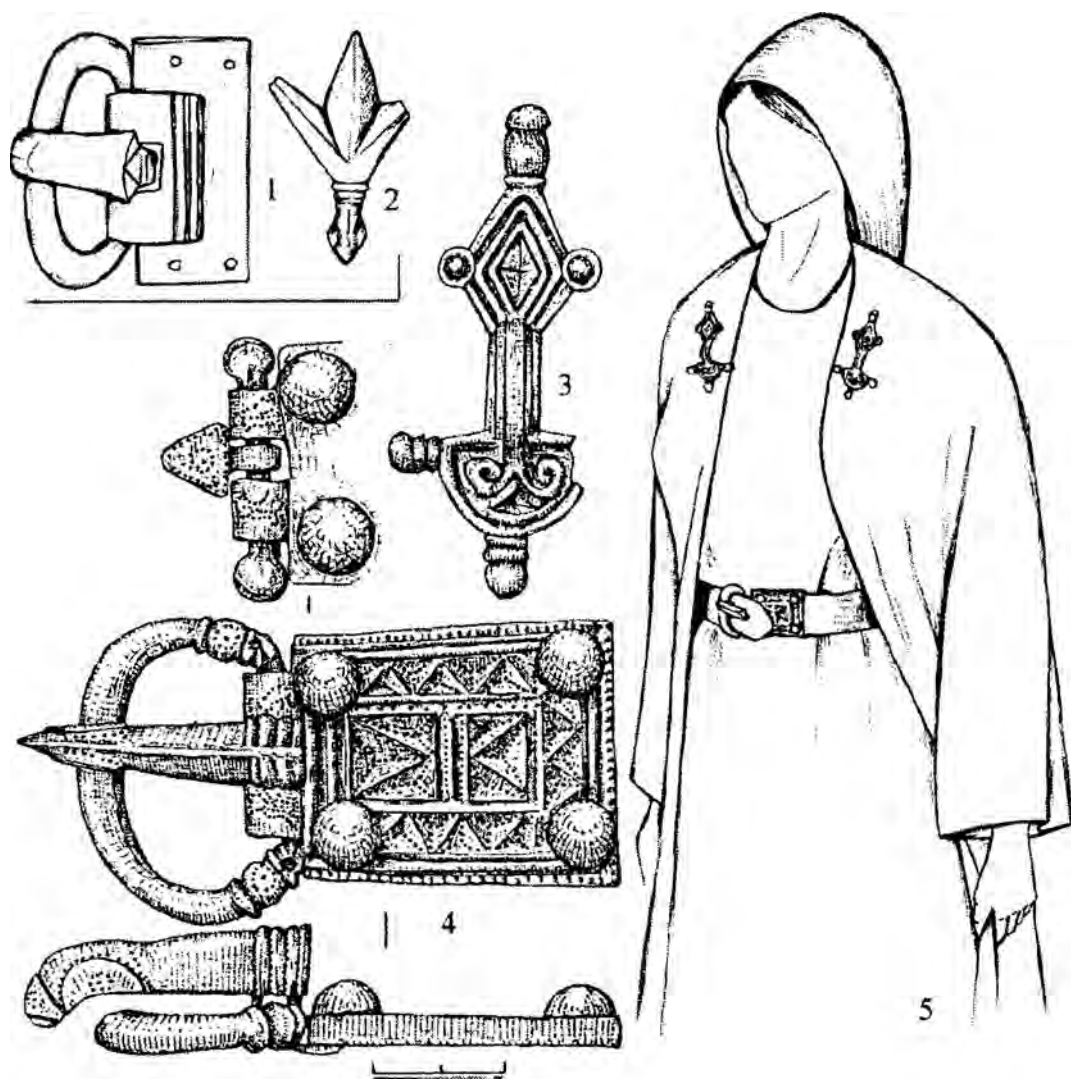

Рис. 19. Детали женского костюма первой половины VI в. из склепа 14/1914 некрополя Херсона (1-4) и реконструкция костюма погребенной с остrogотской пряжкой (5). 1,2 – [33, с. 28, рис. 5, 5,9]; 3,4 – [1, с. 309, табл. XXV, 10,12].

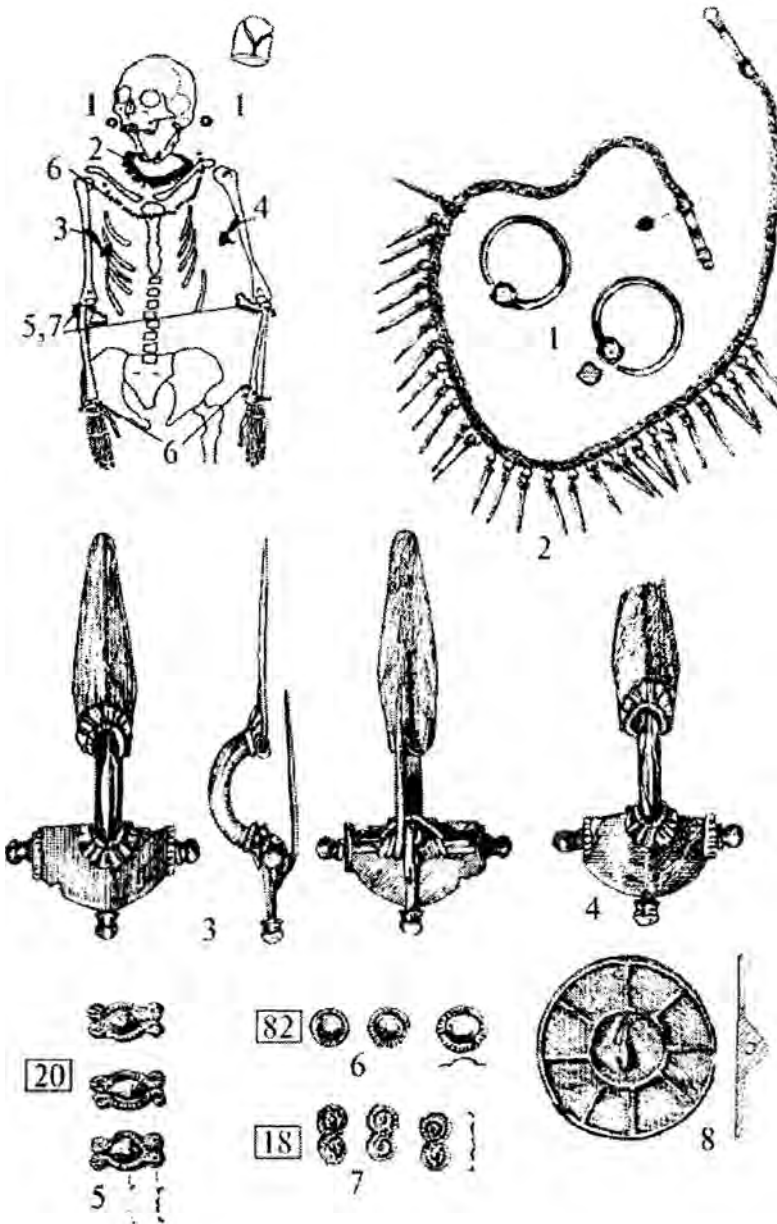

Рис. 20. Женское погребение первой половины V в. из Хохфельдена (Восточная Франция). 1 – план погребения [67, S. 74, Abb. 10, 1]; 1 – золотые серьги; 2 – золотая цепь с подвесками; 3, 4 – серебряные двухпластинчатые фибулы; 5-7 – золотые нашивные бляшки с указанием количества каждого типа; 8 – бронзовое зеркало [148, p. 74, fig. 1-4].

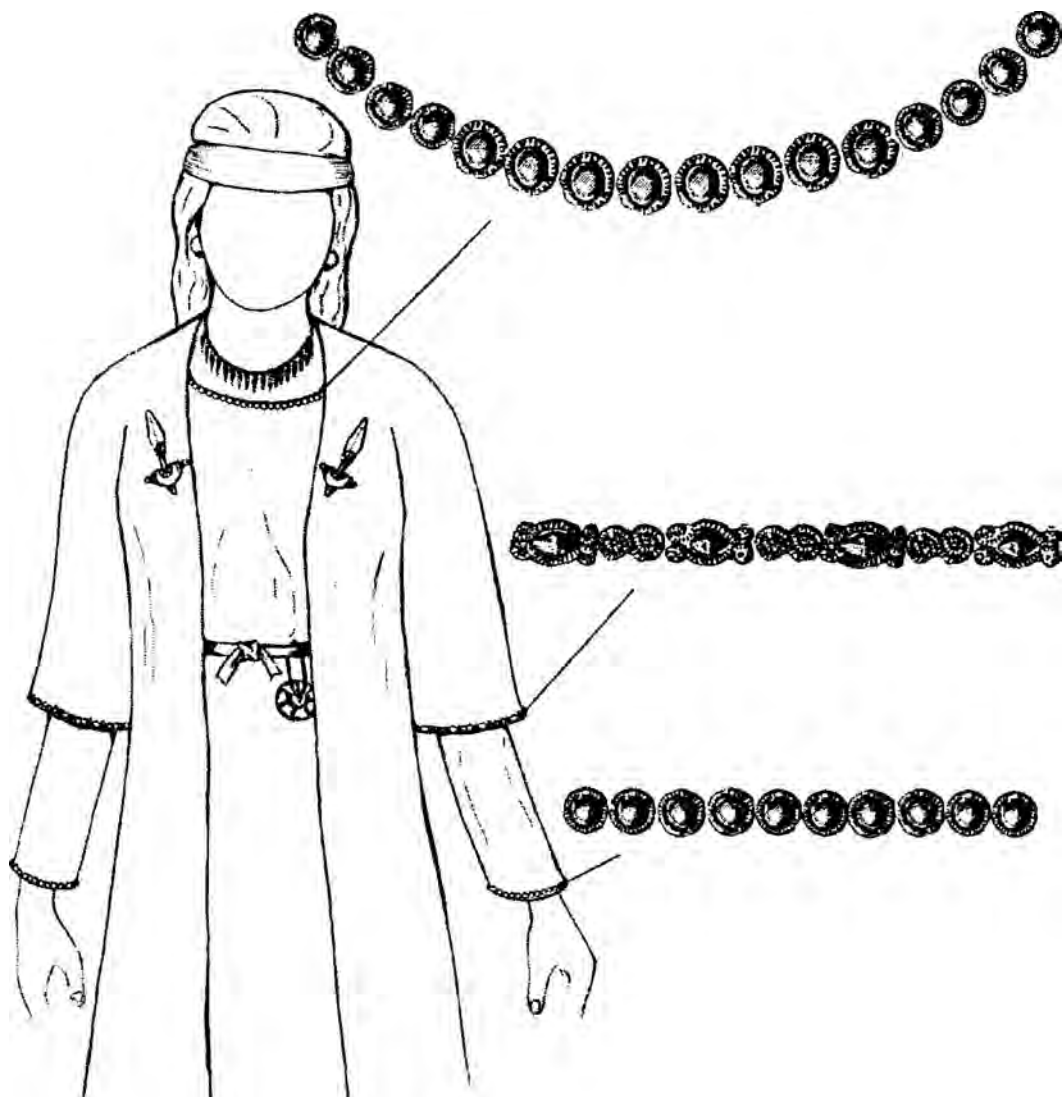

Рис. 21. Реконструкция одеяния погребенной из Хохфельдена.

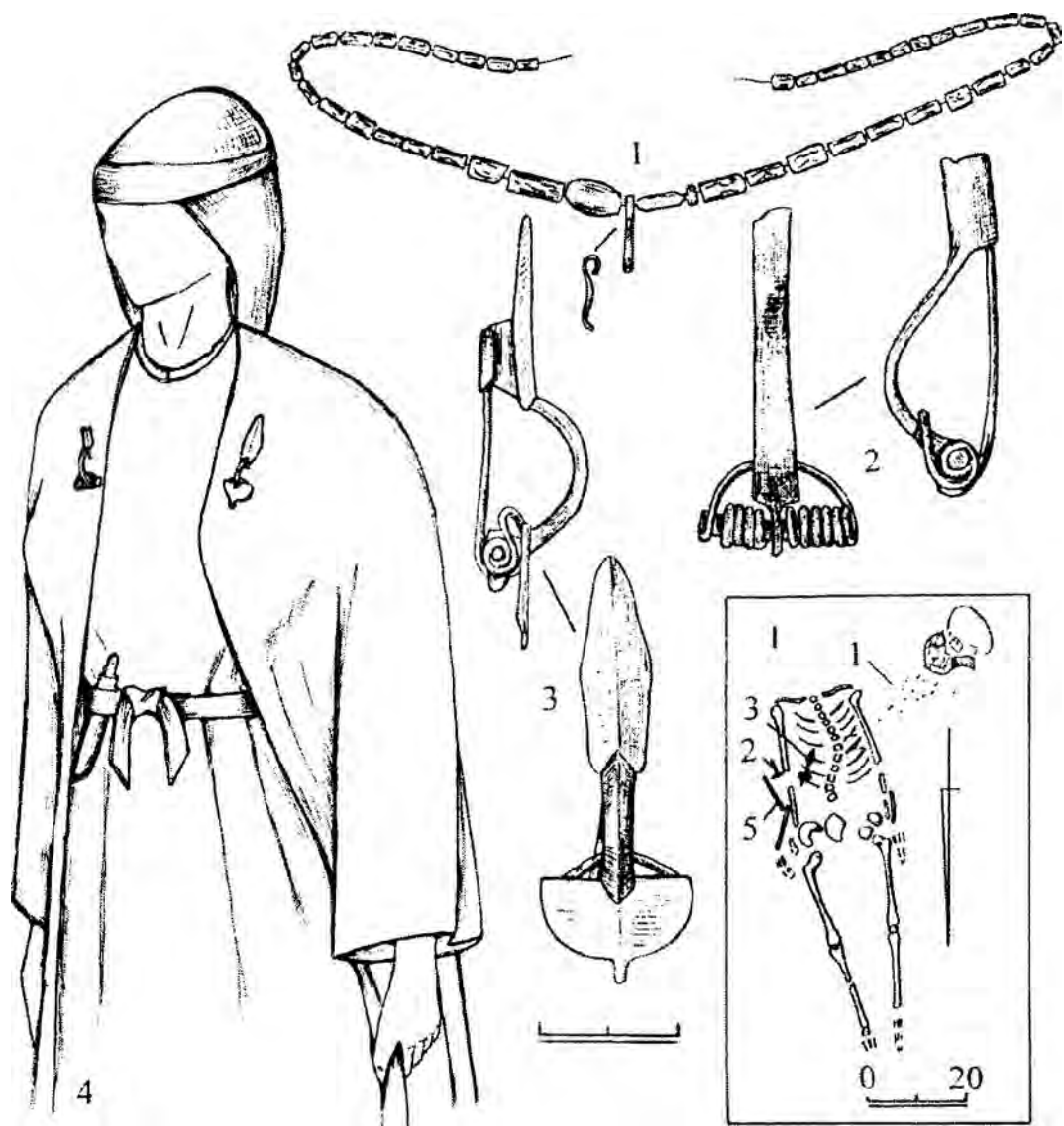

Рис. 22. Погребение первой половины V в. из склепа 58 могильника у с. Лучистое. 1 – план погребения; 1 – ожерелье из коралловых и стеклянных бусин; 2 – бронзовая фибула; 3 – серебряная фибула; 4 – реконструкция одеяния погребенной.

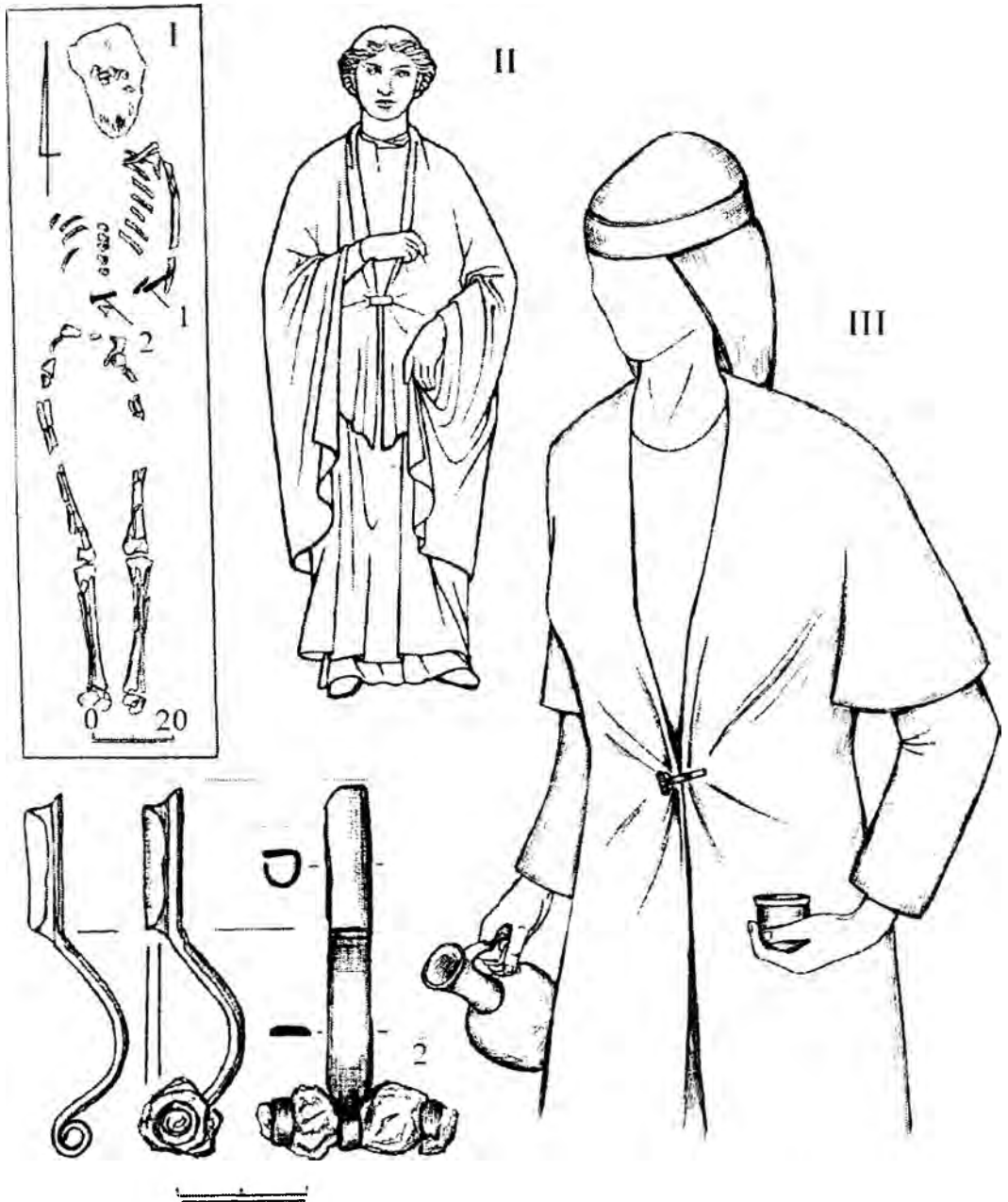

Рис. 23. Погребение первой половины V в. из склепа 156 могильника у с. Лучистое. I - план погребения; 2 - бронзовая фибула; II - реконструкция женской одежды по изображениям германских богинь-матрон на жертвенных алтарях римского времени [176, р. 13]; III - реконструкция одежды погребенной из склепа 156.

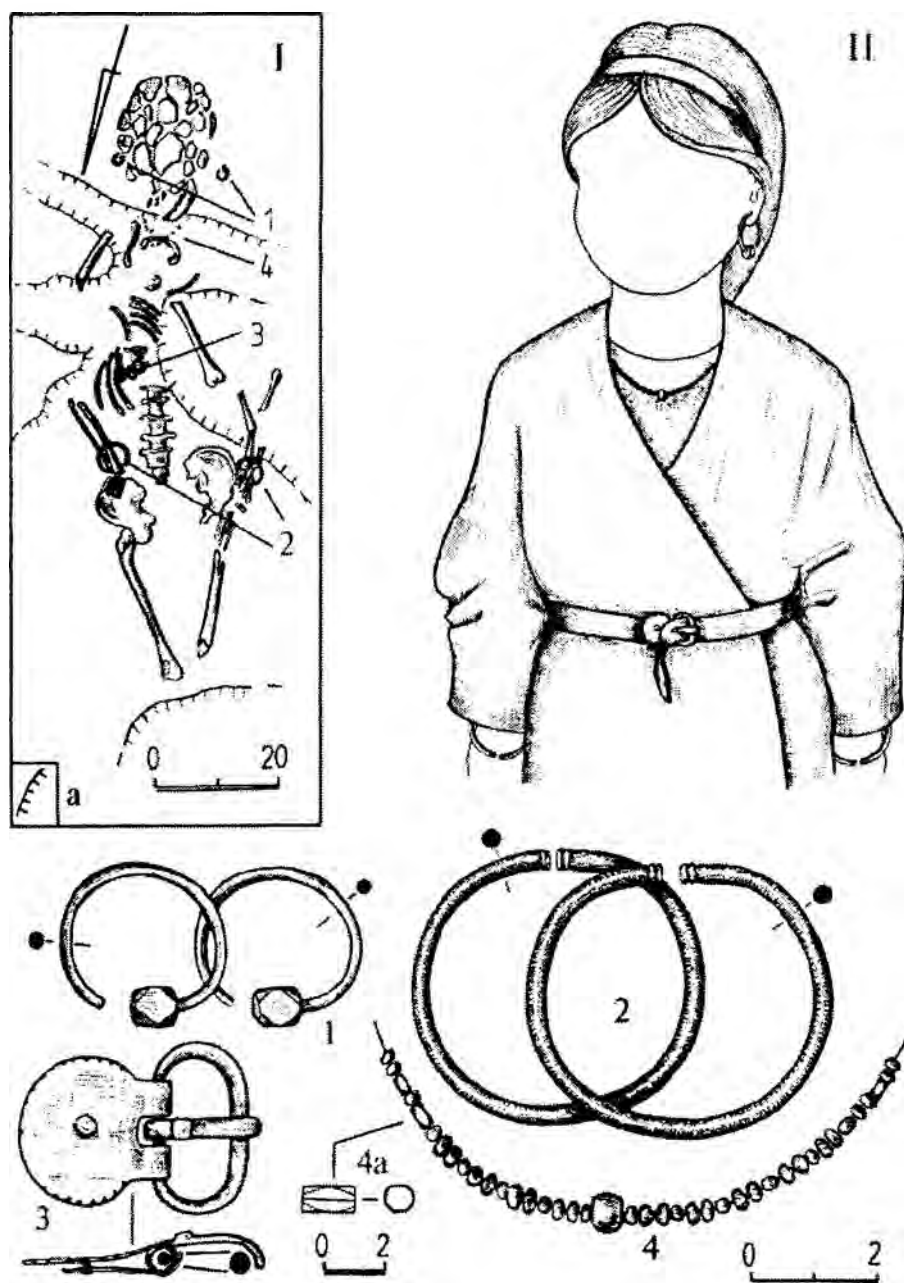

Рис. 24. Детское погребение 2 середины V в. из склепа 75 могильника у с. Лучистое. I – план погребения; 1 – серебряные серьги; 2 – серебряные браслеты; 3 – серебряная пряжка; 4 – ожерелье из стеклянных и серебряных бусин; II – реконструкция одежды погребенной.